

Ксения Перова

ОБЕЗГЛАВЛЕННОЕ ДРЕВО

Книга первая. Аик

12+

Ксения Перова
Обезглавленное дерево.
Книга первая. Айк
Серия «Обезглавленное дерево», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50841923

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99128-6

Аннотация

В мире, где цивилизация погибла триста лет назад, Свершителей считают изгоями и нелюдями.

Айк, сын Свершителя, должен унаследовать ремесло отца, причем совсем скоро. Он не готов принять столь ужасную судьбу и сопротивляется ей до последнего.

Но что если цена свободы окажется слишком высока?

Финалист конкурса «Open Eurasia-2020»

Содержание

1	5
2	33
3	68
4	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ксения Перова
Обезглавленное древо.
Книга первая. Айк

Посвящается Финдеруссе

1

– Отродье Свершителя!

Увесистый камень пролетел у правого уха Айка, но он успел прыгнуть за дерево. Ощутил взмокшей спиной, как в ствол врезались ещё два камня, поморщился с досадой. Беготня в самую жару, да на голодный желудок – удовольствие ниже среднего.

Впрочем, это не в первый раз и уж точно не в последний. Мальчишки всегда прогоняли Айка и Эйвора из деревни, но лишь до границы леса. Миновал первые деревья – и ты в безопасности.

В детстве эти преследования пугали Айка, но минувшей зимой ему исполнилось двенадцать. Сильный и крепкий не по годам, он к тому же был в сапогах, в отличие от деревенских босяков. Ничего страшного, даже забавно, вот только младший его тревожил.

Айк едва успел перевести дух, как пронзительный вопль разорвал воздух. Зашелестели высокие стебли травы, и мимо пронесся Эйвор. Рубашка вздувалась на спине, он придерживал штаны руками, чтобы не спадали. Айк много раз предлагал ему использовать корд в качестве пояса, но младший не соглашался. Говорил, это все равно что змеей подпоясаться.

– Эйви, постой!

Но Эйвор, как всегда, увлекся и не расслышал оклика. Он мчался вперед, легко перепрыгивал через поваленные деревья, подныривал под низкие ветви. Айк глубоко вздохнул, затянул потуже узел банданы на затылке. И припустил за братом.

Лес окутал его прохладой, шелестом листвы, привычными с детства звуками и запахами. Крики преследователей, остервенелые, точно гавканье собак на травле, остались далеко позади и, наконец, стихли. Братья миновали парочку ржавых мобов, сквозь них проросли трава и кустарник. Они напоминали скелеты огромных животных, которые почему-то умерли стоя.

А Эйвор все бежал и бежал. Лучи полуденного солнца пробивали листву, вспыхивали на белых перьях, вплетенных в его волосы.

Шагов через двести Айк догнал брата и преградил ему дорогу. Ловить за рукав чревато – ветхая рубашка треснет.

– Да стой же!

Несколько минут они переводили дыхание. На лбу Эйвора крупными каплями выступил пот. Светлое, изящное личико, темные кудри. И сложение такое хрупкое – слишком хрупкое для десятилетнего мальчика, чей удел тяжелый, каждодневный труд. Айк всегда поражался, сколько сил и энергии скрывается в этом слабом на вид теле.

– Ну, все не так уж плохо! – Он принужденно улыбнулся. Веселого мало – сходили в деревню, считай, зазря. Муки не

раздобыли да еще и потратили силы, убегая от мальчишек.

Вместо ответа младший ткнулся головой ему в грудь и замер.

– Ты чего? – удивился Айк, ласково обнимая брата. – Испугался? Мы ж столько раз...

Эйвор прыснул со смеху и поднял голову. Он улыбался, темные глаза весело блестели. Но было что-то еще, там, за этим весельем. Что-то такое, чего Айк никогда не успевал ни рассмотреть, ни понять.

– Шуточки твои! – с досадой произнес он. – Идем, и так слишком задержались.

Эйвор глубоко вздохнул, подтянул штаны повыше. Поскакал вперед и скрылся в лесной чаще.

Быстро передвигаться братьям помогали удивительно ровные просеки, пересекавшие лес во всех направлениях. Дирхель говорил, это остатки старых дорог – до Великого Исхода из Мегалополисов такие строили специально для мобов, и люди ездили на них, как на лошадях. Верилось в это с трудом, но большинство таких штук и правда стояло на просеках.

Братья называли их мобами для краткости, Дирхель использовал более сложное название. Он был Искателем, много читал и любил всякие заковыристые штуки. Часто говорил, что если бы человечество не погибло от эпидемии триста лет назад, он стал бы тем, что тогда называли «ученым».

Широким шагом Айк двинулся по одной из просек. Сво-

бодная рубашка промокла от пота и прилипла к телу, голова под банданой страшно чесалась. Его обуревали тревожные мысли.

Мэйди и Лурдес наверняка давно проснулись. Голодными не останутся, но вот не натворили бы чего. Сколько ни убирай все опасное и ценное, от этих глазастых девчонок ничего не спрячешь...

– Айки? А-а-айк!

– А? Что? – Он с трудом вернулся к реальности.

Эйвор выглядывал из-за дерева с таким комично-серьезным видом, что в другое время Айк не выдержал бы и рассмеялся. Но сейчас ему было не до смеха.

– Ну что такое, Веточка?

– Меня не слышно? Я тихо шел?

– Да, очень хорошо, – машинально ответил Айк, пытаюсь вспомнить, спрятал он топор в сарай или сунул по привычке между дровами. Вроде бы спрятал... или нет?

– Айки?

– М-м-м... что?

– А что такое «отродье Свершителя»?

Айк снова отвлекся от мыслей и посмотрел на брата. Эйвор шел рядом – чтобы успевать за старшим, ему приходилось почти бежать.

– Что ты сказал?

– Мальчишки кричали: «Отродье Свершителя!» Это что значит?

– Понятия не имею. Верно, ругательство. Скажи лучше...

– Что? – Эйвор широко распахнул глаза.

Айк нахмурился, хотя сложно было сердиться, глядя на эту ангельскую мордашку.

– Ты опять играл в индейцев, когда мы убегали? Я же просил тебя, это серьезное дело. Если они погонятся за нами, беги со всех ног, не оглядывайся. Ты бегаешь быстрее, чем я, почему мне пришлось тебя ждать?

Эйвор покаянно опустил голову. Он делал большие скачки, каждый раз балансируя пару секунд на одной ноге. Казалось, это занятие полностью его поглотило.

Впрочем, Айк не очень-то ждал ответа – он и сам его знал. Игра помогала заглушить страх жертвы, которую гонят. В детстве он прибежал к похожему приему.

– К тому же, – Айк приподнял связанные в хвост волосы и вытер взмокшую шею концом банданы, – если кому из нас и быть индейцем, так это мне.

Смуглая кожа, темные волосы и золотисто-карие глаза и впрямь делали Айку похожим на краснокожего воина. Во всяком случае, как он их представлял по тем двум книжкам об индейцах, что хранились в библиотеке семьи Райни.

Эйвор метнул в брата быстрый взгляд, и лицо его прояснилось.

– А индейцы всегда охотились за бледнолицыми, чтобы снять с них скальп?

– Постоянно, – твердо произнес Айк, изо всех сил сдер-

живая смех, – в этом самая суть индейцев!

Внезапно Эйвор прыгнул в сторону, точно олененок, и помчался, вопя во все горло:

– Ко мне, мои верные вассалы! Этот дикарь жаждет моей смерти!

Айк согнулся пополам от хохота.

– Какие вассалы? Это ж вообще из другой...

Но Эйвор уже скрылся между деревьями. Айк, смеясь, двинулся за ним.

И как этому мальчишке всегда удается его растормошить? Обычно он с удовольствием бегал по лесу с братом. Но встали они рано, завтракали одними сушеными яблоками, потом доили коз и выгоняли их на выпас. Да еще эта пробежка в самое пекло.

Удивительно жаркая в этом году весна, что же летом-то будет? Сколько придется таскать воды, чтобы огород не погиб!

– Тебе никогда не получить мой скальп, презренный краснокожий!

Эйвор выглянул из-за ближайшей сосны. Грудь его тяжело вздымалась, в волосах, словно рожки шаловливого лесного духа, торчали сухие веточки.

Айк нахмурился в притворном гневе.

– Готовься к смерти, жалкий бледнолицый!

Эйвор завизжал и понесся прочь, продираясь через кусты и молодую древесную поросль.

И что-то было такое то ли в этом газельем беге, то ли в беззаботном хохоте, что Айк не выдержал – громко заулюлюкал и припустил следом.

Все вдруг исчезло – беспокойство, голод, тяжкая, как свинец, усталость человека, работающего слишком много и слишком тяжело. Он был великий вождь Быстроногий Волк, в боевой раскраске, с томагавком в руке. А впереди бежал враг, явившийся из-за моря, чтобы завоевать его земли.

Бежал, надо сказать, весьма шустро. Великий вождь Быстроногий Волк всерьез беспокоился об успехе своего предприятия.

Но тут Всемогущий Отец сыграл на стороне индейцев. «Враг» запнулся о корень и чуть не упал. Вождь Быстроногий Волк издал ликующий вопль и в три прыжка настиг его. – Ага, попался! Прощайся со скальпом, бледнолицый!

«Бледнолицый» истошно завопил и прыгнул в сторону. Но был ловко пойман за запястье и отлетел назад, прямо на великого вождя. Тот не удержался на ногах и рухнул навзничь.

Раздался страшный хруст, и земля неожиданно подалась. Айк даже не успел испугаться. Кроны деревьев кувыркнулись перед глазами в вихре золотого и зеленого. Он почувствовал, что летит в пустоту, и крепко прижал к себе брата.

Ощущение от приземления было неслабым, и Айк не удержался от стога. На нем лежали Эйвор и куча веток, которые маскировали ловчую яму. Айк понял это сразу, как

взглянул вверх и увидел мир, сжавшийся до размеров правильного квадрата. Сырой, холодный воздух пах, как в погребке, – землей и грибами.

– Слезь с меня! – простонал Айк.

Эйвор откатился в сторону и встал.

– Ты цел? – Айк быстро осмотрелся, морщась от боли в спине и локтях.

– Угу... у тебя кровь. – Эйвор поднял руку к лицу. В полумраке оно казалось очень бледным и испуганным.

Айк ощупал нос – из него текли две теплые струйки. Не сломан, спасибо Всемогущему за маленькие радости. Ломать нос Айку доводилось, и он хорошо запомнил те ощущения.

Он задрал голову и окинул взглядом отверстие ямы. Там, наверху, жизнь текла так же мирно, как и минуту назад. Лес шумел молодой листвой, и птицы пели свои брачные песни. Весна плавно перетекала в лето, луговые цветы сплетались в душистое буйство красок.

И где-то там, в глубине леса, был дом семьи Райни, а в нем трехлетние близняшки Мэйди и Лурдес. Совершенно одни.

Айк почувствовал, как вместе с холодом земли к сердцу подползает страх. Как он шепчет, что они обречены.

Надо спешить.

– Да-а, лихо нас угораздило, Эйв, – произнес Айк как можно беспечнее и решительно стянул узел банданы, – ну, давай выбираться. Полезай на плечи!

В последующие часы братья испробовали все возможное, чтобы выбраться из ямы. Дотянуться до края им не удалось. Эйвор предложил прокопать в стене ступени – он читал о таком способе.

Айк уже достал нож из кожаного чехла на поясе, но тут заметил, что стены ямы сужаются кверху. Немного, но достаточно, чтобы лишить их затею всякого смысла.

И ни одного корня или выступа, чтобы ухватиться! Кто бы ни выкопал эту ловушку, он поработал на совесть.

В конце концов они совершенно выбились из сил. Легкий ветерок шелестел листвой. Прозрачные весенние сумерки еще только начали сгущаться между деревьями, но в яме было совершенно темно.

Братья жутко замерзли – от стен веяло ледяным холодом. Могильным холодом.

– Айки... – прошептал Эйвор во мраке. Он сидел плечом к плечу со старшим и дрожал.

– Что?

– Мы умрем тут?

– Не говори глупостей, – сердито прошептал Айк и крепко обнял брата, – мы выберемся. Сейчас отдохнем и попытаемся снова. Хорошо?

– Угу.

– Вот и молодец. Поспи немного.

– Айки...

– Ну чего тебе?

– А маму... тоже положили в такую яму, когда она умерла?

Айк не смог сдержать дрожь.

– Я... я не видел. Не знаю. Что за дурацкие мысли? Спи давай, и будем вылезать. А то у нас уже сил нет. Поспи, Веточка, ладно?

– Угу, – Эйвор прижался растрепанной головой к плечу старшего и прерывисто вздохнул.

Айк привалился к стене и прикрыл глаза. Боль от ушибов слегка унялась, короткими толчками напоминая о себе то здесь, то там. Мысли метались, как перепуганные козы в загоне.

Что теперь будет? Когда отец вернется домой?

Может, завтра, а может, через неделю – никто не знает. Поэтому Айк и затеял этот рискованный поход. К весне запасы истощились, близняшки отказывались от каши, плакали и просили хлеба. А отец все не приходил.

Айк рассчитывал быстренько сбегать в деревню за мукой и вернуться – и вот что получилось! Проклятый лавочник опять дал им от ворот поворот, даже говорить не захотел. Еды не раздобыли да еще и угодили в ловушку.

Если бы только они не играли, а сразу пошли домой! Если бы Эйвор соглашался оставаться дома с сестрами, а не устраивал истерику, стоило Айку заикнуться об этом! Если бы, если бы...

Упоминание о матери, как всегда, отозвалось болью в

сердце Айка. Но в этот раз, разнообразия ради, она была приправлена острым чувством вины. Он всегда считал, что не справляется, безнадежно не справляется. Не делает для Веточки и близняшек все, что нужно.

Айк погладил длинные концы банданы кончиками пальцев. Истончившаяся от старости ткань льнула к груди, нежная, точно птичье перышко. Пару лет назад Дирхель принес потрясающую книгу о пиратах, и Айку страстно захотелось хоть в чем-то походить на них. Он вырезал большой кусок из платья матери. Красной краски не нашлось, пришлось покрасить в коричневый луковой шелухой. Почему-то Айк проделал все это тайком, хотя некому было устроить ему взбучку за испорченное платье.

Да и вряд ли мама сильно ругалась бы – она любила Айка. А он подвел ее. Не иначе как Темный Лик Всемогущего подбросил ему идею пойти сегодня в деревню и оставить сестер одних.

Губы Айка презрительно скривились. Смысл валить вину на того, в кого он по-настоящему никогда не верил? Нет, это все он, Айк, это его ошибка. И она, скорее всего, будет стоять жизни ему и Веточке.

Он уже и не помнил, когда и как придумал брату прозвище Веточка. Наверное, когда Эйви потерял младенческую пухлость и стал очень худенький, совсем как молодой побег дерева.

Маленькая цветущая веточка... яблони в цвету...

Розово-белая метель лепестков закружилась перед глазами Айка и подарила забвение.

Проснулся он от страшного, режущего холода. Кругом кромешная тьма, словно в банке с чернилами. Лишь чуть светлее на фоне густого мрака выделялся квадрат ночного неба. Ветер усилился, листва тревожно шумела. Звезды мерцали, как огни далеких маяков, до которых обреченному кораблю никогда не добраться.

– Эйви... проснись, – пробормотал Аик, с трудом шевеля онемевшими губами. Потряс брата за плечо и почувствовал, что тот весь окоченел. Надо вставать, двигаться, иначе смерть.

Аик родился и вырос в лесу, видел смерть множество раз и хорошо знал, насколько она проста и обыденна. С какой легкостью настигает любое живое существо, стоит ему чуть зазеваться.

Именно это с ними и случилось. Все ловушки Аик знал, как свои пять пальцев, эту, видимо, соорудили совсем недавно. На дне, несмотря на весеннюю пору, еще не успела скопиться вода. Повезло – несколько часов по щиколотку в холодной воде и им пришел бы конец.

Впрочем, еще не вечер, как говорит Дирхель.

Аик нащупал запястье брата и сжал с такой силой, что тот вскрикнул.

– Вставай же! – Аик сжимал зубы изо всех сил, но челюсть тряслась помимо его воли.

Лес беспокоился; деревья, казалось, разговаривали скрипучими, недовольными голосами. Вдалеке жутко ухала ночная птица.

Но знакомые с детства звуки не вызывали страха. Братья чувствовали себя в лесу как дома, лес никогда не предавал их. Этого не случилось и сейчас – они попали в ловушку, созданную людьми.

Айк слышал, как Эйвор, по его примеру, пытается стиснуть зубы, чтобы не стучали – безо всякого успеха.

– Как х-холодно!

– Н-надо двигаться, – Айк крепко сжал ладонь брата, – держись за меня!

Эйвор кое-как поднялся, хныча от холода и боли – словно крохотный щенок жалобно заскулил в темноте. Сердце Айка разрывалось от любви и отчаяния.

– Потерпи, Веточка, – ласково шептал он, поддерживая брата за талию, – ты же великий воин, не раскисай!

Они начали ходить взад-вперед – яма была довольно большой. Айк вел по стене рукой и думал, отчаянно думал. Не верилось, что можно умереть от холода в какой-то дурацкой яме, но Айк хорошо знал – можно и очень просто. Ночь длинна, а рассвет не принесет ни капли тепла в эту могилу. Скоро они опустятся на землю, и она жадно выпьет из их тел остатки тепла и жизни.

Как долго можно продержаться? Когда придет охотник? Покричать, что ли, вдруг кто-нибудь услышит?

«Это ночью-то? Не обманывай себя, Айк!»

Но попытаться стоит, времени у них слишком мало.

Айк уже собирался озвучить свою мысль, как вдруг наверху грозно зашумели и затрещали ветки. Он прижался к стене ямы, закрывая собой Эйвора. И мгновение спустя осознал, что с таким бесцеремонным шумом по лесу мог ходить только человек.

Впрочем, это вовсе не означало, что бояться в самом деле нечего.

– И что дальше? – внезапно произнес кто-то над головой братьев. – Какие предложения?

Удивительный это был голос! Он явно принадлежал мальчику или совсем молодому юноше – высокий, чистый, мелодичный, с серебристым переливом на концах фраз. Он прозвучал в темноте леса, точно первая птичья трель на исходе зимы, точно журчание ручья в прохладной тени жарким днем.

Звук этого голоса проник в самое сердце Айка и чудесным образом принес успокоение. Он вдруг отчетливо понял, что теперь все будет хорошо. И не просто хорошо – замечательно.

– Очень смешно, Джори, – произнес в ответ девчачий голос. Напускная бравада не могла скрыть звучавшую в нем растерянность, – погоди, сейчас разберемся...

– Ты «разбираешься» без малого четыре часа, сестренка!

– Ах, я во всем виновата? Ты тоже дорогу не запомнил!

Вечно думаешь непонятно о чем!

– Крис, я рассчитывал на тебя, ты Всемогущим клялась, что следишь за дорогой! Как можно быть настолько безответственной?

– Да иди ты к Темному!

– Я-то пойду. А вот куда пойдешь ты, когда мы заявимся домой посреди ночи? Догадаешься или подсказать?

– Ой, напугал! Сейчас обделаюсь со страху!

– В нашем лесу были медведи, помнишь, как мы один раз...

– Не ерунди! Никто тут не водится, ты все выдумал!

– Я выдумал? А вот послушай-ка!

Голоса выжидающе стихли.

Айк усмехнулся и с трудом преодолел озорное желание зарычать или завывать, чтобы нагнать на ребят страху. Но это было бы даже не безответственно, как выразился обладатель мелодичного голоса, а по-настоящему глупо. Поэтому он откашлялся и крикнул:

– Эй, мы можем помочь друг другу!

Сверху донесся сдавленный вопль. К счастью, никто не завизжал и не убежал.

– Кто здесь? – прошептал слегка дрожащий девчачий голос.

– Ребята, не бойтесь! – крикнул Эйвор. – Мы провалились в ловчую яму! Помогите нам выбраться, пожалуйста-пожалуйста!

– А мы вас выведем из леса! – добавил Айк.

Пару секунд царило молчание. Потом на фоне отверстия ямы появился темный силуэт головы.

– Это кто здесь боится? – осведомилась голова.

– Да никто, – быстро произнес Эйвор, – э-э-э... Крис?

– Она самая. А вот ты кто такой, позволь узнать?

Тут рядом с первой головой появилась вторая, чуть покрупнее.

– По-моему, момент для знакомства неподходящий, – в серебристом голосе мальчика появились нотки тревоги, но не испуга. Айк окончательно воспрял духом.

– Как вас угораздило упасть туда вдвоем, дурни? – спросила Крис и тут же, не ожидая ответа, добавила: – А впрочем, в этом удача. Один встает на плечи другому...

– Гениально, Крис, а как мы вытащим того, кто останется?

Пока они пререкались, Айк помог Эйвору вскарабкаться к себе на плечи.

– Давай руку! Хватайся!

Джори был явно старше и сильнее Айка – он легко втащил Эйвора наверх.

– Что теперь, Крис? Какой план?

– Мы могли бы сходить в деревню за помощью, – неуверенно произнесла девочка, – если ты нас проводишь... тебя как зовут?

– Эйвор Райни. Эйв. А моего брата зовут Айк.

– Айк? Какое забавное имя!

– Я Айкен! – уточнил слегка уязвленный обладатель забавного имени. – И звать на помощь деревенских – не лучшая идея.

– Мы все равно не можем бросить здесь Айкена одного, – вмешался в разговор Джори, – да и как потом найти эту яму? Надо придумать другой способ.

– Предложи уже что-нибудь, умник! – мигом заострилась Крис.

– Надо найти крепкую ветку...

– Ветку? Да я руки свои едва вижу!

– Тогда я могу опустить тебя в яму, вы возьметесь за руки, а я вытяну вас обоих.

– Ага, а при этом подол у меня на голове окажется?

Джори насмешливо фыркнул.

– Девчонки! Никому не интересен твой подол. Тем более ты сама сказала, что ничего не видно.

– Ах вот как, мой подол никому не интересен?!

– Эй, тут поваленное дерево! – взволнованно крикнул Эйвор. – Если подтащить его к краю ямы...

– И? – насмешливо поинтересовалась Крис. – Малыш, нам нужна лестница, а не мост!

– Можно опустить его в яму одним концом, и Айк вскарабкается по нему наверх! – обиженно закончил Эйвор. – И я не малыш!

Раздался треск веток, а затем глухой удар о землю.

– Нет, не выйдет! – произнес Джори, тяжело дыша. –

Водой напиталось... Нет-нет, брось! Уж если мне не сдвинуть...

– Что же делать? – Эйвор опять чуть не плакал.

– Придется пожертвовать скромностью моей сестры, – в голосе Джори послышалась добродушная усмешка, – ну, Крисси, что тебе дороже, пристойность или жизнь Айкена?

– Не ерунди! – сердито произнесла Крис. Чувствовалось, что она и правда смущена. – Конечно, я помогу! Крепче держи только, не то окажемся там, где начали.

Зашуршало, на голову Айку посыпалась земля и мелкие корни.

– Держись!

Айк протянул вверх руки и почувствовал, как его хватают за локти – цепко и сильно, по-мальчишечьи.

– Крепче держись! – велела Крис. – Я не стеклянная!

Айк почувствовал, что краснеет. Ни разу в жизни он не касался чужого человека, тем более девчонки – сестры, понятно, не считаются. Мышцы Крис напряглись под тонкой тканью рубашки, горячее дыхание касалось его лица. Это вызвало в Айке странные, неведомые прежде чувства.

Вся кровь словно бы вскипела, несмотря на холод. Она бурлила, как химические смеси отца в стеклянных сосудах, и Айк благодарил Всемогущего за то, что в темноте не видно его пылающего лица.

Ладони мигом стали влажными. Но он не выпустил пред-

плеча Крис, пока не почувствовал, что переваливается через край ямы. В мгновение ока поднялся и нащупал руку девочки, чтобы помочь ей. Но она отпихнула его.

– Сама могу встать, не из слабеньких!

– Крисильда! – с укором произнес Джори. – Не груби.

Айк смущенно застыл на месте, а Джори добавил:

– Извини, Крис плохо умеет принимать знаки внимания.

– Спасибо! – поспешно произнес Айк.

Эйвор бросился к нему и крепко обнял. Ошарашенный, Айк прижал его к себе. Все это казалось сном – и яма, и чудесное спасение.

– Не за что, – мягко произнес Джори, и Айку снова почувствовалась улыбка в его голосе, – я рад, что сегодня Крис оказалась такой безответственной и забыла дорогу домой.

Крис зашипела, как рассерженная кошка.

– Обычно она никогда в лесу не плутает, – великодушно добавил Джори, – Всемогущий привел нас к вам, не иначе.

– А вы вообще откуда? – с интересом спросил Эйвор. – Я вас в деревне не видел!

– Мы только вчера сюда приехали. С побережья.

– С побережья! – ахнул Айк. – Значит, ты видел море!

– Конечно! – засмеялся Джори. – Много раз!

Сердце Айка подпрыгнуло от восторга.

– И какое оно? – с жадным любопытством спросил он. Эйвор рядом аж дышать перестал, ожидая ответа.

Джори помолчал немного. Затем произнес, волнуясь и

тщательно подбирая слова:

– Оно... как небо. Огромное и разное. И так же быстро меняется. Отвернулся на миг, а оно уже другое. Если понимаешь, о чем я.

– Пожалуй, да... – чуть слышно прошептал Айк.

Они помолчали. Ночной лес шумел ровно, монотонно, и в этом шуме Айку чудился шелест волн. Снова мелькнула мысль, что все это сон. Замечательный сон. Он не помнил, когда в последний раз ему было так хорошо и спокойно.

Голос Крис вернул его к действительности:

– Море штука здоровская, не спорю, но как насчет пойти домой? Я жутко устала и есть хочется.

– Есть! – Айк схватился за голову. – Есть! Всемогущий! Нам надо домой, скорее!

– Что случилось-то? – спросила Крис.

– Наши сестры одни дома, а мы тут застряли. – Айк прикусил было большой палец и тут же опустил руку. От дурацкой привычки грызть пальцы у ногтей он давно и безуспешно пытался избавиться. – Так, сейчас придумаем что-нибудь.

– А чего придумывать? – удивился Джори. – Пойдем вместе!

– Да мы... – Айк не знал, как это сказать, но понимал, что сказать придется. – Ну... мы живем не в деревне. Наш дом в лесу.

– Почему в лесу? – удивился еще больше Джори.

– Ой, ну какая разница! – простонала Крис, притопывая

на месте от нетерпения. – Пошли скорей!

– Погоди, Крис... Так вы живете в лесу, Айкен?

– Да! – встрял Эйвор – было слышно, как он что-то дожевывает. – Мы живем в лесу, потому что в деревне нас не любят!

– Эйв! – зашипел Айк.

Впервые в жизни им встретились люди, которые не хотели закидать их камнями, и вот сейчас младший все испортит!

– Что? – удивился Эйвор. – Это ж правда! Мы им не нравимся, а почему – непонятно. А мальчишки в нас камнями бросают и кричат всякие гадости.

Айк уже прикидывал, как бы половчее заткнуть говорливому братцу рот. Но Джори опередил его и решительно произнес:

– Неважно! Обсудим это в другой раз. Сейчас нам с Крис правда надо идти.

– В другой раз вы, может, и говорить с нами не захотите, – вырвалось у Айка помимо воли. Он был в отчаянии от того, что все заканчивается, да еще на такой ноте.

– Что? – произнес Джори с неожиданной суровостью. – Я буду считать, что не слышал этого, Айкен. Хорошо?

– Хорошо, – понурился Айк, хотя ничего не понял, – извини, если обидел. Просто, знаешь, все остальные, они...

– Все остальные – это все остальные, – отчеканил Джори. Его голос вдруг утратил мягкость и зазвенел, как туго натянутая тетива арбалета, – *Мне* вы нравитесь. Так что, надеюсь,

мы увидимся снова. Если захотите, конечно.

В груди у Айка потеплело. Несмотря на жестокий голод, усталость и боль во всем теле, он почувствовал себя до глубины счастливым.

– Еще б не захотеть!

– Ну тогда покажите нам, в какую сторону идти, а там Всемогущий нам поможет.

– Ну уж нет! – возмутился Айка. – Мы сделаем так – Эйвор вас проводит...

– Что-о-о?! – пискнул Эйвор.

– Проводит вас до границы леса, – с нажимом произнес Айка и стиснул плечо младшего, – а я побегу домой.

– Но, Айки!

Айка наклонился к уху брата и прошептал:

– Давай без твоих выходов! А то ребята решат, что ты совсем малыш и боишься темноты.

– Я не малыш! – возмутился Эйвор. – И вовсе не боюсь!

– Ну вот и отлично! – Айка обернулся к двум высоким, стройным фигурам, почти невидимым во мраке. – Джори, Крис, спасибо вам! Мне правда надо бежать!

– Беги быстрее, – серьезно произнес Джори, – но будь осторожен.

– Пока-пока! – произнесла-пропела Крис и нырнула в кусты вслед за Эйвором.

– До встречи! – Джори помедлил мгновение, словно невысказанные слова удерживали его. Но потом все-таки после-

довал за сестрой.

Айк остался один. Он повернулся и бросился бежать.

За высоким, сплошным забором царила подозрительная тишина. Сердце Айка екнуло – неужели все-таки что-то случилось?

У калитки рос пышный куст, весь усыпанный кремово-белыми цветками. Калитка сливалась с забором – никакого засова или замка. Айк сунул руку за куст, нашарил веревку и потянул. Потайной засов тихо звякнул.

Дыхание с хрипом рвалось из груди, но Айк сдержал его, словно собирался войти не в родной двор, а в драконье логово.

Дом уставился на него темными окнами. Слева бесформенной черной громадой застыла мастерская отца, а вот справа, у деревянного сарая, чудилось движение.

Здесь был навес и теплое логово для собак. Но они не вышли, как обычно, навстречу.

Айк подошел поближе... и почувствовал, как невидимые пути, в которых судорожно дергалось сердце, наконец ослабли.

Райст и Кари – огромные, бело-рыжие кобели – лежали на соломенной подстилке под навесом. К теплому боку каждого жалась скорченная темная фигурка. Близняшки крепко спали. На деревянном настиле двора валялись пустые миски.

«Слопали собачью еду, – подумал Айк и зажмурился на миг от стыда и облегчения. – Ну... ладно. Могло быть и хуже».

«Разве?!» – ответили ему полные укора взгляды собак.

– Могло-могло, – тихонько прошептал Айк и погладил их по головам

Хотелось пристроиться тут же, на соломе, и поспать пару часов. Но прежде надо кое-что сделать. Выпить воды, поесть, накормить собак, уложить девчонок... а там уж и отдыхать можно. Да – и Эйвор, надо дождаться его!

За брата Айк не тревожился – он мог пройти по лесу с закрытыми глазами. Но наотрез отказывался делать это без старшего и не объяснял почему. Айка сильно удивило, что Эйвор согласился проводить их новых знакомых. Видно, они ему тоже здорово понравились.

Прохладный ночной ветерок заставил поежиться. Разгоряченное тело остывало, и во влажной рубашке становилось неудобно. Айк тихонько, чтобы не разбудить сестер, поднялся на крыльцо. В передней скинул сапоги и бесшумно прошел в общую комнату.

В ней царил тот чудовищный беспорядок, какой только могут устроить трехлетние дети, хозяйничая целый день в одиночку. Айк поморщился, понимая, что просто не в состоянии сейчас убираться. Свернул налево, в кухню.

Здесь было еще хуже, чем в комнате. Айк вздохнул, взял кувшин с ягодной водой и начал жадно пить.

И вдруг замер.

Что-то изменилось. Он почувствовал это сразу, как вошел, но усталость и боль заслонили все. Что-то такое... не чужое и не враждебное – да и как бы оно проскочило мимо собак? – но тревожное.

Айк вернулся в общую комнату. Огонь зажигать не стал – он с легкостью обходился без него. Постоял, прислушиваясь. Но услышал лишь негромкий шум леса за толстыми бревенчатыми стенами.

Медленно вдохнул и выдохнул. Старое, чуть отсыревшее дерево, ветхая ткань, козы шкуры, дым от камина. Застарелые запахи людей и пищи – родные, безопасные. Их не замечаешь, в них привычно расслабляешься и чувствуешь себя дома.

Айк снова втянул воздух носом... да, вот оно! Этот запах он не перепутал бы ни с чем и никогда в жизни.

В груди сгустилась тяжесть, сердце упало. Чтобы убедиться, Айк выскользнул в переднюю и пощупал висевшую на крюках одежду. Пальцы сразу наткнулись на тяжелую, плотную ткань знакомого плаща.

– Всемогущий! – чуть слышно простонал он. – Только не это!

Черный плащ с желтой вышивкой – перекрещенные меч и кнут – принадлежал отцу Айка, Эдварду Райни.

2

Что-то тяжелое шлепнулось Айку на ноги, и тонкий голосок пропищал:

– Айк, помоги! А-а-а!

– Ябеда! Вот тебе!

Ноги придавило еще сильнее, и Айк приподнял голову с подушки.

– Всемогущий, что ж такое...

В ответ – звук смачной плюхи и громкий рев. Айк с трудом сел и протер руками глаза. По ощущениям, он не проспал и десяти минут, но сквозь частый переплет окна лился яркий свет – значит, солнце уже поднялось над лесом.

Эйвор на соседней кровати пошевелился и со стоном накрыл голову подушкой.

– Тихо, тихо, – пробормотал Айк, – что случилось?

В ногах, скорчившись, точно два зверька, сидели Мэйди и Лурдес. Жесткие черные волосы торчат во все стороны, поцарапанные коленки еле прикрыты драными ночнушками. Смуглое, широкоскулое личико Лу залито слезами.

– Она... она взяла мое платье! – Мэйди захлебывалась словами от злости. – Она...

Лурдес пыталась возразить, но рыдания мешали ей выговорить хоть слово. Она обеими руками вцепилась в скрытую одеялом ногу Айка.

– А что такого-то? У вас же одинаковые платья, – зевая, поинтересовался он. – Ну хватит, Лу, не плачь!

– Не одинаковые! – прошипела Мэйди. Темные глаза ее сверкали. – Мое с бахромой, я сама сделала, а она...

– Ж... жа-а-адина! – прорыдала Лу, размазывая кулаками слезы.

Айк вздохнул и начал связывать в хвост пушистые, непокорные волосы.

Близняшкам было всего по три года, но драться они, кажется, начали еще в колыбели. Каждый день дом оглашался ревом и звуками потасовок. Коренастые, крепенькие, как грибы-боровички, сестры друг другу спуску не давали. Но Лурдес была послабее характером и чаще прибегала к Айку за защитой, чем Мэйди.

– Все, уgomонитесь! – Айк зажал полую рубашки носишко сестры. – Сморкайся!

Лу высморкалась, все еще всхлипывая. Мэйди неприязненно покосилась на нее.

– Что нужно сделать, прежде чем лезть в драку? – со вздохом спросил Айк.

«Вот бы у меня появлялось по щепке всякий раз, как задаю этот вопрос. Можно было бы вообще забыть про заготовку дров. Навсегда».

– По... говорить? – неуверенно произнесла Мэйди.

– Правильно. Лу, ты спросила у сестры, можно ли взять ее платье?

Мэйди вылезла вперед. Обычно она не отличалась разговорчивостью – одно время Айк вообще думал, что она немая. Но тут, видимо, был жизненно важный вопрос.

– Да она...

– погоди, Мэй, сестра скажет, а потом ты.

– А что она-а-а...

– Ш-ш-ш! – цыкнул Айк, и Мэйди замолчала. – Так. Ладно. Лу, еще раз – когда хочешь взять чужое, спрашивай разрешения. Мэйди, прежде чем бить, узнай, почему сестре захотелось эту вещь. Если она тебе так дорога, можно предложить что-нибудь другое. Или поменяться.

– Очень надо! – с отвращением произнесла Мэйди.

– Дура! – взвизгнула Лурдес.

Они смотрели друг на друга, как готовые сцепиться кошки.

– Моему терпению приходит конец! – нахмурился Айк, и сестры умолкли, мрачно сопя. – Я все сказал. Идите, наденьте платья. И не шумите, отец дома!

Близняшки как по команде зажали ладошками рты и мышками шмыгнули в дверь. Айк усмехнулся – с этого надо было начинать. Сестры всегда дичились отца, хотя он ни разу их пальцем не тронул. В буквальном смысле – почти не обращал на них внимания, словно не желал признавать, что они существуют.

Айк скинул ноги с кровати. Сделал движение, чтобы встать, и со стоном опустился назад. Усталость лежала на

плечах, как пудовый мешок с мукой. Он чувствовал каждую ссадину и синяк, о которых вчера даже не думал.

Ночью, когда понял, что отец вернулся, тут же принялся за уборку. Растопил плиту и поставил вариться кашу. Отнес близняшек в их комнату и уложил в кровать. Вскоре пришел Эйвор. Он присоединился к Айку, но валился с ног от усталости и больше мешал, чем помогал. Айк отправил спать и его, а сам закончил убираться. Светало, так что он подоил коз, покормил собак, а потом... что было потом?

Айк не помнил, как ложился. Видно, упал и сразу уснул, не раздеваясь. Но главное – все сделал. Если отец пришел, как обычно, по темноте, он мог и не заметить устроенного близняшками разгрома.

Охая, как столетний дед, Айк все-таки поднялся. Ушибленная спина разогнулась весьма неохотно. Сестры оставили дверь распахнутой, и Айк с опаской выглянул в коридор. Дверь в спальню отца как раз напротив, а такие крики и мертвого разбудят. Если отец проснется раньше, чем нужно...

Но из-за закрытой двери не доносилось ни звука, и от сердца отлегло.

Эйвор не шевелился – наверное, снова задремал. Айк вытащил из-под подушки смятую бандану, бережно разгладил и повязал на голову. Окинул комнату быстрым взглядом. К счастью, сюда близняшки не успели добраться, все было на своих местах. Две кровати, два стула, два плетеных ивовых

короба для вещей – просто и незатейливо. Ровно столько, сколько нужно.

На широком изголовье кровати Эйвора – догоревшая свеча в грубом железном подсвечнике и несколько книг. Айк взял их и вышел в коридор.

Дом семьи Райни был большим, крепким, в два этажа и с обширным чердаком, забитым всякой всячиной. На первом этаже общая комната и кухня; на втором библиотека, комната дедушки Айка – теперь в ней жили близняшки, – спальня отца и братьев. Из общей комнаты наверх вела деревянная лестница с резными перилами.

Айк занес книжки в библиотеку и, морщась, сбежал вниз. А на кухне вспомнил, что торопиться-то некуда. Горшок с кашей, завернутый в старое шерстяное одеяло, был еще теплым. Большую часть утренней работы Айк сделал ночью – оставалось выгнать коз на выпас. Отец построил в лесу два загона, их чередовали, чтобы трава успевала вырасти.

Вернувшись из леса, Айк умылся у колодца. Сестры уже помирились и занимались обычной утренней работой. Лурдес кормила кур, Мэйди собирала яйца в корзинку, казавшуюся огромной в ее руках. Платья они надели – если можно назвать платьем два кое-как сшитых куска ткани, с дырками для рук и головы.

С подола платья Мэйди свисали какие-то рваные клочья. Очевидно, это и была «бахрома» – причина сражения. Айк улыбнулся.

Бахрома! Откуда она это слово-то выкопала?

«Платья» он сшил сам, как умел – в библиотеке не нашлось ни одной книги о шитье. Сестры пришли в восторг, но Айк считал, что на эти творения его рук без слез не взглянешь. А у девочек в деревне такие красивые платья!

И тут он вспомнил!

Дервня. Ловчая яма.

Джори и Крис!

Айку показалось, будто восходящее солнце заглянуло прямо внутрь него, в самое сердце. Заметил вдруг, что прекрасное весеннее утро в самом разгаре. Что дует мягкий, теплый ветерок, лес звенит птичьими голосами, а небо такое синее, словно за ночь его отмыли до блеска.

Подробности прошлой ночи одна за другой всплывали в его памяти.

Джори – у него удивительный голос, и он решил дружить с ними, несмотря ни на что!

Крис – веселая и боевая!

Айк чувствовал себя, как в детстве на Новомодье. Все вокруг, такое скучное и привычное, словно озарилось новым светом и засверкало яркими красками.

Но, разумеется, сполна насладиться моментом ему не дали.

Кто-то налетел на Айка сзади, и он чуть не взвыл от боли в спине.

– Эйв, больно же!

– Ой, прости! – Эйвор, всклокоченный, со следами от подушки на щеках, таращился на брата, словно видел его впервые. – Я... тебя потерял.

Айк только вздохнул.

– Слушай, хватит этих глупостей, а? Куда я денусь, сам подумай! Ну-ка...

Он заправил рубашку брата и затянул ему веревку на штанах, как маленькому.

– Так-то лучше. Отец не проснулся?

– Неа.

Вид у Эйвора был подозрительно виноватый, и Айк снова нахмурился.

– Что ты опять учудил? Рассказывай давай.

– Н-ничего. Честное слово, Айки!

– Как вы вчера, нормально дошли?

– Ага. Они в крайнем доме поселились, том, что давно пустует. Их папа – кузнец, на старом месте не было работы, вот они и переехали сюда. Я и говорю, мол, здорово, кузнеца-то в деревне давно нет, помер, отцу пришлось мотыгу в город отнести – прошлой весной, помнишь? – и говорю, трудно, наверное, переезжать? А Крис говорит, мол, нет, не трудно, собрались и поехали, мы часто переезжали и...

Айк слушал этот нескончаемый монолог, кивал, а сам занимался делами. Забрал у Мэйди корзину с яйцами, отправил сестер умываться. Отнес яйца на кухню, выложил четыре штуки в горшок, остальные спрятал в погреб. Подбро-

сил дров в раскоряченную, тронутую ржавчиной плиту – она занимала добрую половину тесной кухоньки. Достал миски, ложки, начал накладывать кашу.

Он уже сожалел, что не пошел вчера вместе с Эйвором. Дома ничего ужасного не случилось; он мог бы поболтать с Джори и Крис еще хоть полчаса! А теперь – когда они снова увидятся? Одному Всемогущему известно...

– ...и тогда Джори говорит – а чего тянуть, давайте встретимся завтра, на границе леса, когда тени удлинятся, а я и говорю, давайте, здорово, мы обязательно придем...

– Что? Что ты сказал?! – вскинулся Айк, едва до него дошел смысл сказанного.

Эйвор осекся и в точности, как близняшки, зажал рот ладонями.

– Ты пообещал Джори и Крис встретиться *сегодня*

– А что такого-то? – пробормотал Эйвор. – Разве ты не хочешь?

– При чем тут, хочу я или нет! – Айк в сердцах швырнул разливную ложку в таз для грязной посуды. – Отец дома!

– Но я же не знал, что он вернется! – обиженно воскликнул Эйвор.

– Мэй и Лу весь день вчера были одни! Ты собирался их и сегодня оставить?

– Да ничего с ними не случится, – пробурчал Эйвор. С досадой покосился на сестер, которые чинно усаживались на скамью у стола.

– Не случится! Они разнесли весь дом! Я... – Тут Айк поймал испуганный взгляд Лурдес и осекся. И правда, он велел им вести себя тихо, а сам? Айк глубоко вдохнул, выдохнул и молча поставил перед Эйвором и близняшками полные миски.

Мэйди и Лу накинулись на еду без единого слова – видимо, вчерашняя голодовка не прошла для них даром. Эйвор сидел, опустив глаза, и катал по столу сухую луковицу.

– И не делай такое лицо, – сердито произнес Айк и сел напротив брата, – как ты мог быть таким безответственным?

Он вдруг осознал, что почти слово в слово повторил вчерашнюю фразу Джори. Да, укорять Эйвора бессмысленно – конечно, он хотел этой встречи. До ужаса хотел.

Но как быть с отцом и близняшками? Айк в задумчивости покусал большой палец, наблюдая, как Мэйди и Лу уплетают ненавистную кашу и с хлюпаньем запивают ее козьим молоком. Слишком большие для них кружки сестры держали обеими руками.

Айк тряхнул головой и взял ложку. Там видно будет. Сейчас надо позавтракать – дел еще по горло.

Когда тени удлинялись, наступала самая любимая Айком часть дня. Основная работа сделана, еще чуть-чуть продержаться – и уже вечер. Айк предвкушал его, пока мыл посуду, колот дрова и чистил хлев. В доме наступит долгожданная тишина, он сядет с книжкой в библиотеке, вытянет гудящие

ноги к огню и... заснет.

Засыпал Айк таким образом часто – сильно уставал. Но сейчас, когда они с Эйвором шли к деревне, он чувствовал себя на удивление бодрым. Жара спала, лучи солнца смягчились, приобрели медовый оттенок. И ни единого дуновения, ни одной тучки на темно-голубом небе. Все ветры дремали.

Лес, давший приют семье Райни, был создан явно не для прогулок. Неровную, глинистую почву во всех направлениях пересекали овраги. Одни были сухи, засыпаны прошлогодними листьями, по дну других журчали невидимые ручьи. Деревья пронизывали землю корнями, пытались удержать ее на месте. И, как солдаты в неравном бою, гибли и падали.

Эти падения поражали Айку – тяжелое дерево ударялось о землю и разбивалось вдребезги, словно глиняная чашка. Куски ствола, ветви и сучья летели в разные стороны; если не придавит, то и глаза лишиться можно. Останки погибшего дерева перемешивались с кустами и деревьями, образуя настоящую стену. Или падали в овраг, и тот становился непроходимым.

Но все эти препятствия не пугали братьев. Они пробирались через завалы тропами оленей и лис; овраги и ямы пересекали по поваленным деревьям или перепрыгивали, уперев в дно подходящую лесину.

В глубине леса деревья росли плотно, и редкий луч солнца пробивался сквозь кроны. Землю покрывал толстый ковер гниющей листвы, проткнутый редкими стеблями упор-

ных сорняков и чахлой древесной поросли. Здесь выживали и буйно росли лишь кусты орешника – в иных каждая ветвь была толщиной с молодое дерево.

Эйвор бегал по лесу, как обычно, играя в индейцев. Айк соорудил себе пиратскую бандану, а он украсил волосы белыми и пестрыми куриными перьями, а запястья – браслетами, сплетенными из тонкого, разноцветного корда.

Воинственный клич доносился то слева, то справа. Эйвор забирался в попадавшиеся на пути мобы и ловко выскакивал из них с другой стороны. Деревенские как огня боялись всего, что было связано с Исходом и старались не ходить там, где много мобов. Но братьям мобы нравились, в детстве они с удовольствием играли в них.

Айка раздирали противоречивые чувства. Он с огромной радостью предвкушал встречу с Джори и Крис, но на задворках сознания, как всегда, пульсировала тревога. Так мышшь скребется ночью под полом – вроде тихо, а раздражает.

Что скажет отец, когда проснется и не найдет их? Сестры шуметь не станут – будить отца не в их интересах. Если Лу заиграется, Мэйди найдет способ ее утихомирить. И все же... все же...

«Придется сказать, что мы ненадолго, – с сожалением думал Айк, огибая кусты и отводя в стороны низкие ветки, – что пришли, раз Эйвор пообещал, но нам сразу надо назад».

Лес поредел, в просветах между деревьями замелькало открытое пространство. Здесь нужно быть начеку, чтобы не на-

ткнуться на деревенских.

Вдруг Эйвор взвизгнул:

– Джори! – и припустил бегом.

Айк огляделся, но никого не увидел. Он сообразил, что вчера ночью даже не разглядел лиц Джори и Крис, и в смущении замедлил шаг.

И тут навстречу ему из высокой травы поднялся юноша в простой белой рубашке и штанах, подвернутых до колен.

– Доброго дня, Айкен! – произнес он с улыбкой. Айк тоже невольно улыбнулся – этот необыкновенный голос словно окутывал сердце теплым облаком. – Или, скорее, доброго вечера? Здорово, что вы пришли!

Айк молча кивнул. Он разглядывал Джори во все глаза, словно ребенок, который заполучил долгожданный подарок и спешит убедиться, что все в нем так, как ему хотелось.

Они казались полной противоположностью друг другу. Айк широкоплеч, тяжел в кости и мускулист, Джори – высок и худ. В облике Айка все было слегка грубовато – чуть широковатое переносье, массивная нижняя челюсть, широко посаженные глаза. Худое лицо Джори поражало мягкостью черт – высокие скулы, прямой нос, плавный рисунок губ.

Его чуть портили лишь глубокие тени в подглазьях. Из-за них светло-серые глаза казались еще пронзительнее. Густые пряди пепельно-русых волос красиво обрамляли высокий лоб и падали на шею и уши. Айку даже завидно стало –

бывают же нормальные волосы у людей! Не то что его копна – и обстричь жалко, и носить невозможно...

– Эй, ты заснул?

Айк вздрогнул, обернулся...

И никого не увидел. За кустами раздался залиvistый смех.

– Любимая забава Крис, – с улыбкой пояснил Джори, – обожает всех пугать. Пытаюсь ее образумить, но пока без толку.

– И всегда будет без толку! – произнес дерзкий голосок. Показаться Крис так и не пожелала. – Ну что, куда пойдём?

– На речку! – предложил голос Эйвора из тех же кустов. – Мы вам там все покажем!

– То, что надо! – оживилась Крис.

Айк бросил на Джори беспомощный взгляд. Речка была плохой идеей. Но в глазах Джори светилась такая неподдельная радость – у Айка язык не повернулся сказать, что они не могут остаться.

– Ладно, только недолго! – сдался он. – Искупаемся и домой, Эйви, хорошо?

– Ага! – крикнул Эйвор откуда-то издалека. Ветер донес смех Крис.

– Вот так и живем, – неловко развел руками Айк, – как начал ходить, так и побежал.

Джори рассмеялся.

– Айкен, ну кому ты это говоришь? Мы с тобой в одной

лодке!

Айк улыбнулся. Ему было так уютно, словно зашел с мороза в тепло родного дома. Дома, где его всегда ждали. Где песни и смех мамы звучали с утра и до поздней ночи, а отец казался просто немного угрюмым и неразговорчивым человеком. Сейчас, конечно, его тоже ждут, но все уже совсем не так...

– Все хорошо? – мягко спросил Джори. Айк кивнул и улыбнулся, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– Лучше некуда! Идем!

Айка тревожила не только потеря времени. Он почти бежал, чтобы поскорее догнать Эйвора и Крис. Джори, словно чувствуя его настроение, шел сзади, ни о чем не спрашивая.

Болтовня и смех младших разносились по всему лесу. И это Эйвор, который то и дело спрашивал, тихо ли он идет!

Внезапно раздался вопль, а затем ликующий хохот.

– Эйви, нет! – отчаянно крикнул Айк и со всех ног бросился вперед. Джори не отставал от него ни на шаг.

Они с разбегу вылетели на высокий, обрывистый берег реки, стиснутой со всех сторон лесом. Пронзительно-чистый поток, узкий и бурный, брал начало в горах; вода в нем круглый год была ледяная. Ниже по течению небольшой водопад с грохотом обрушивался в каменную чашу заводи.

Эйвор и Крис стояли на краю обрыва. Увидев Айку, младший радостно подпрыгнул и побежал вверх по течению.

– Не смей, слышишь?! Эйвор! – завопил Айк.

С тем же успехом можно было просить реку повернуть вспять.

Айк топнул ногой, подбежал к краю обрыва и соскользнул вниз. Руки и штаны перепачкались в глине, посыпались влажные корни и камни.

У воды росло молодое, гибкое деревце; Айк встал возле него и лихорадочно искал взглядом брата. Сердце так и бухало – он прекрасно знал, что сейчас будет.

Эйвор пробежал еще с десятков шагов, спрыгнул с берега на отмель. Стащил сапоги и прямо в одежде бултыхнулся в поток.

У Айка перехватило дыхание, как будто холод воды стиснул его собственное тело, стремясь добраться до сердца и остановить его.

Течение, которое испугало бы и взрослого человека, подхватило Эйвора и потащило с неумолимой силой. Его швыряло из стороны в сторону, как перышко. К счастью, камней в реке было мало, иначе пловца расплющило бы в лепешку.

Айк наблюдал за этим заплывом со смешанным чувством ужаса и отчаяния.

«Всемогущий, помоги ему выплыть! Не дай ему умереть, прошу тебя! Пусть выживет, и я уж тогда ему... нет-нет, я ничего не сделаю, Всемогущий, клянусь, только спаси его!»

Повторяя эту неистовую молитву, он навалился всем телом на деревце, и гибкие ветви заполоскались в потоке. Тем-

ная голова Эйвора, ныряя в бело-стальных струях, приближалась с огромной скоростью. Миг – и он ухватился за ветви обеими руками.

Айк отскочил, деревце выпрямилось, поднимая Эйвора из реки. Айк схватил брата за рубашку, и они вместе повалились на камни.

Вода текла с Эйвора ручьями, он задыхался и хохотал от восторга.

– Айк, ты видел?! Видел, как я плыл? А ты, Крис?

– Ну ты даешь! – Крис спрыгнула с берега и помогла Эйвору подняться. Джори протянул руку Айку. – Обалденно!

У Эйвора зуб на зуб не попадал, но глаза сверкали от удовольствия. Айк еле сдерживался, чтобы не надавать братцу затрещин.

– Здорово, скажи? Хочешь попробовать? – предложил Эйвор Крис.

– Нет! – в один голос воскликнули Айк и Джори.

Крис тут же надулась.

– Раз я девчонка, так обязательно потону?

– Не потому, что ты девчонка, – спокойно произнес Джори, – просто это опасно.

– Не опасно! – весело воскликнул Эйвор, выжимая воду из волос. – Айк меня всегда ловит!

У Айка потемнело в глазах. Он присел на влажную гальку и прижал ладонь ко лбу.

– Ты чего? – удивился Эйвор.

– Уйди с глаз моих! – рявкнул Айк. Но когда брат отпрыгнул в сторону и начал карабкаться на обрыв, поднял голову. – Нет, погоди! Возьми сапоги и спускайся вниз, к заводи. Никаких купаний, понятно? Сиди на берегу, грейся и чтобы в лес ни ногой!

– Хорошо-хорошо! – произнес Эйвор.

Младшие забрались наверх и исчезли за краем берега. Айк глубоко дышал, дурнота понемногу отступала. Рядом шумела и бесновалась река.

– Это было... что-то! – заметил Джори, усаживаясь рядом. – Твой брат настоящий храбрец. Я бы не рискнул проделать такую штуку!

– Идиот он малолетний, а не храбрец! – Айк схватил камень и со всей силы запустил в бурлившую воду. – Когда-нибудь ему не повезет, а я увижу это и чокнусь.

– Таким, как он, обычно всегда везет, – улыбнулся Джори. – Крис из той же породы. Сколько она падала с деревьев, не сосчитать! И ничего, хотя пару раз до крови расшиблась.

– А ты что?

– А что я? Перевязывал. Да все бесполезно, Айкен. Есть люди, которым скучно жить, как все. Им хочется чего-то такого, чтобы кровь будоражило.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво произнес Айк.

– Крис рассказывала. Я, как и ты, с ума сходил от ее проделок. Как-то подбегаю к ней, начинаю отчитывать, а она и говорит: «Ой, Джори, мне так хорошо, давай ты позже пору-

гаешься!»

Джори засмеялся мягким, грудным смехом. Айк покачал головой.

– Хоть вообще не ходи на реку! Пошли, надо убедиться, что он не полез снова купаться.

Одежда Эйвора быстро подсохла, и он все-таки улизнул в лес. Крис задержалась, чтобы напиться, и Айк наконец-то смог рассмотреть ее получше.

Первой бросалась в глаза необычная коса – она была заплетена по правой стороне головы, от виска к затылку, и завязана в хвост вместе с остальными волосами. Впрочем, странное во внешности Крис не ограничивалось прической.

В отличие от брата она была не просто худой, а костлявой. Лопатки угловато оттопыривали ткань полотняного платья, а ключицы так выступали, что, казалось, тронь и порежешься. Движения гибкие, сильные, как у молодой ласки, глаза – злая синева летнего неба.

Левый глаз Крис был наполовину синий, наполовину коричневый. Он буквально притягивал взгляд Айка, и Крис тут же это заметила.

– Понравилась? – с вызовом осведомилась она. Подвижное, в мелких веснушках личико презрительно скривилось. – Может, сразу поцелуемся?

Айк покраснел и отвел глаза.

– Что это? – все же спросил он. – Это... от удара?

– Нет, от любопытства!

Айк удивленно моргнул.

– Подглядывала в детстве за лесными феями, и они заметили. – Крис задрала и без того вздернутый нос. Кончик его, как и подбородок, был слегка раздвоен. – Это метка на удачу, мало кому дается. Завидууй молча!

И Айк промолчал – просто не знал, что сказать. Когда Крис побежала догонять Эйвора, он перевел взгляд на Джори, который сидел на нагретых солнцем камнях и блаженно жмурился.

– Подглядывала за феями?

Джори улыбнулся.

– Это мама придумала. Не хотела, чтобы Крис переживала. Ну и умела отвечать другим детям. Ее в детстве часто дразнили.

– А что это *на самом деле*? – Айк стянул сапоги и опустил ноги в прохладную темную воду.

– Родимое пятно, – пояснил Джори, – обычно на коже бывает, а у нее на глазу. Редкая вещь, тут она права. Но ничего такого страшного. Или волшебного.

Из леса доносились веселые голоса, хохот и треск веток.

Айк поболтал ногами в воде. Он был восхищен и очарован. Все Райни, кроме белокожего Эйвора, были смуглыми и темноволосыми. Эта золотистая косичка и необыкновенные глаза пленили его воображение. По возрасту Крис больше подходила ему, Айку. Почему она вдруг обратила внимание

на младшего?

Впрочем, мысль эта кольнула и тут же исчезла – он слишком увлекся беседой с Джори. Они говорили и не могли наговориться. Как будто знали друг друга всю жизнь и теперь просто встретились после долгой разлуки. Что-то в Джори располагало к откровенности. Может быть, то, как он слушал – серьезно, сосредоточенно. И если что-то говорил, это были своевременные слова.

Эйвор и Крис уже давно вернулись – усталые, грязные и страшно довольные – когда Айк взглянул на небо и понял, что солнце клонится к закату. Он поднялся, с острым сожалением глядя на Джори.

– Нам пора.

– Как, уже? – огорченно воскликнул Эйвор.

Айк разделял его чувства. Ему казалось, они и часа не провели вместе. Но тени указывали на то, что час прошел и далеко не один.

Отец уже точно проснулся.

– Давайте мы вас проводим, – предложил Джори, и сердце Айка радостно подпрыгнуло.

Эйвор и Крис так набегались по лесу, что не успевали за старшими и тащились шагах в двадцати позади. Айк вдруг ощутил, как проголодался. Обед был давно, а луковицы диких орхидей и молодые побеги камыша – не самая питательная еда.

Один Джори словно обрел второе дыхание. Он тихонько напевал, и походка его была легкой и пружинистой.

– Прекрасный день, – произнес он, – спасибо, что показали нам такое замечательное место.

Айк так удивился, что даже забыл про голод.

– Да это просто река, ничего особенного. Ты же видел море!

– Это другое.

– Но ведь море лучше!

– Не лучше и не хуже. Это разные вещи.

– Ну-у... – с сомнением протянул Айк. Реку он любил, но море!

Джори был первым человеком, которому Айк признался в своих мечтах. И он хотел не просто полюбоваться морем, о нет! Когда-нибудь он сядет на корабль и поплывет к тем далеким землям, где живут индейцы. Не может быть, чтобы после Исхода никого из них не осталось! Он мог бы стать пиратом, хоть Дирхель и утверждает, что это гадкое занятие.

Айк уже видел себя на палубе огромного, прекрасного корабля под всеми парусами, когда голос Джори вернул его с неба на землю:

– Айкен, взгляни-ка.

Он послушно посмотрел вверх. И ничего не увидел.

– А-а-э... ты о чем?

– Такие цвета, прямо жидкий огонь!

Лучи заходящего солнца скользили по кронам деревьев, и те полыхали беззвучным пожаром. Солнце почти село, небо на западе приобрело зеленоватый оттенок. К востоку он плавно переходил в голубой и, наконец, в густо-синий. В этой сочной синеве уже таился желтый кругляк луны. Стоит солнцу исчезнуть за горизонтом – и она решительно ползет вверх, станет холодной, белой, сияющей.

Айк перевел взгляд на Джори и вздрогнул – его спокойное лицо озарилось каким-то неземным восторгом, глаза сияли.

Это так не вязалось с его манерой говорить и держаться, что у Айка вырвался изумленный возглас. Джори вздрогнул, и к нему тут же вернулось прежнее, ровно-приветливое выражение. Он бросил на Айка странно виноватый взгляд.

– Прости. Очень красиво... разве нет?

Айк не знал, что и сказать. Закаты он наблюдал каждый день, они были чем-то привычным, как дом и лес. Но он еще никогда не видел, чтобы человек выглядел настолько по-разному за такой короткий промежуток времени.

Джори прикусил губу.

– Ну вот, опять...

– Что «опять»? – удивился Айк.

– Да вот это. Когда кто-то видит меня... таким, сразу начинается: «Что это с тобой? На каком ты свете?» и так далее. И всякой дружбе конец.

– Почему конец? – еще сильнее удивился Айк. – Ты прав, и впрямь красиво. Я как-то раньше... не знаю... не замечал.

Джори метнул в него быстрый взгляд. Отвел упавшие на лицо пряди волос и заправил их за уши порывистым, нервным движением.

– Ну, тогда ладно. Знаешь, когда я вижу что-то такое... прекрасное и столь недолговечное, я как будто пропадаю куда-то. Просто стою и смотрю. Могу не услышать, что меня позвали. Многим это кажется... ненормальным. Вот и ты сейчас...

– Я? Да нет, Джори, брось! – поспешил возразить Айк. –

Просто у тебя стало такое лицо...

– Не от мира сего? – подсказал Джори. Он улыбался, но в серых глазах притаилась тревога.

– Необычное. Это меня удивило, вот и все. А что касается пропадания, так это мне знакомо. Эйвор частенько страдает потерей слуха, особенно когда просишь помочь по хозяйству.

Джори рассмеялся и тень беспокойства, омрачавшая его лицо, исчезла без следа.

– А ты давно живешь здесь, Айкен?

Айк вздохнул с облегчением.

– Всегда. Наш дом дедушка построил, это он сюда переехал. Отец родился и вырос здесь.

– А твой отец, кто он?

– Э-э-э... в каком смысле «кто»? Человек.

– Ну понятное дело, – улыбнулся Джори, – я имел в виду, чем он занимается?

Айк замялся. Признаваться было стыдно, молчать – глупо. Но он чувствовал необъяснимое доверие к Джори и решился почти сразу.

– Если честно, я не знаю.

Брови Джори изумленно взлетели.

– Не знаешь? Как это?

– Ну вот так, – Айк с досадой пожал плечами, – он уходит в город на неделю, на две, приносит еду, одежду. Иногда инструменты. Но *что* делает там, в городе...

– А ты не спрашивал?

– Спрашивал, когда был маленький. Он сказал, я все узнаю, когда подрасту.

– Это интересно. – Лицо Джори загорелось огнем любопытства. В этот миг он очень походил на сестру. – А ты не пробовал...

– Что?

– Ну, пойти за ним и посмотреть?

– Куда пойти? – не понял Айк. – В город? Ты спятил?

– А что такого? Это недалеко. Пешком часа за два доберешься.

Айк покачал головой. Он знал каждую тропку в лесу на много миль вокруг дома, но никогда не задумывался о том, чтобы сходить в город. Да и зачем? Он уже достаточно «общался» с деревенскими жителями.

Но когда он сказал об этом Джори, ответ поразил его простотой и очевидностью:

– Ты же никогда не был в городе, да? Значит, там тебя никто не знает. Люди будут относиться к тебе, как к любому незнакомцу – то есть никак.

Айк шел молча, переваривая эту удивительную мысль. Джори не мешал ему. Солнце село, в воздухе разливалась блаженная прохлада. Под деревьями быстро сгушался полумрак; оглушительно стрекотали цикады. Надо было прибавить шагу, но новая идея захватила Айку, и он на какое-то время забыл обо всем.

– Слушай, – наконец произнес он, – а ты был в городе?

– Ага. Мы заезжали узнать, не требуется ли кузнец. А потом приехали сюда.

– И как там? – спросил Айк, с замиранием сердца глядя на приятеля.

Тот хитро прищурился.

– Сходи и посмотри.

– Джори! – возмущенно воскликнул Айк. Его спутник засмеялся, негромко, но так заразительно, что Айк невольно присоединился к нему. Улыбка совершенно преображала невозмутимое лицо Джори – в нем словно вспыхивал внутренний огонь.

– Да я шучу, не обижайся. Ну, а если серьезно, что тебе мешает сходить? Запрет?

– Н-нет, – неуверенно произнес Айк, – напрямую мне не запрещали, но...

– Но?

– Отец ведь не хочет об этом говорить. Значит, это тайна, разве не так?

Джори пожал плечами.

– Твой отец сказал, ты все узнаешь, когда подрастешь. Может, время пришло? Это как с книжками – одни сразу понятны, а другие слишком сложные, начинаешь понимать лишь позднее.

– Какие например? – Айк с облегчением оставил опасную тему. – У вас много книг?

– Ну не то чтобы много. Но вот, скажем...

Разговор снова перешел на книги и мог бы продлиться еще долго, но впереди уже мелькнули светлые доски забора. Решили не подходить близко к дому, чтобы не потревожить собак.

Когда братья остались вдвоем, Айк вдруг почувствовал себя бесконечно одиноким. Это было новое и очень необычное чувство. Ведь Эйвор был рядом, как и всегда, и все же чего-то не хватало. Никогда прежде он не ощущал такую печаль при расставании с кем-то. Разве что с мамой, но это вообще другое.

Внезапно он понял, что одиночество – это не когда ты один, а когда рядом нет того, кто тебе нужен.

– Жаль, что мы не живем в деревне, – неожиданно произнес Айк.

– Угу, – печально отозвался Эйвор.

Отец колот дрова возле сарая. При виде Айка и Эйвора он выпрямился, с размаху вонзил топор в колоду и скрестил руки на груди.

И чем ближе они подходили, тем сильнее сгущалась в душе Айка привычная смесь любви и страха.

Эдвард Райни производил впечатление человека огромной силы – высокий, сухощавый, весь словно из перевитых жгутами мускулов. Бронзово-смуглая кожа и резкие черты лица придавали ему выражение непрístupной суровости.

Сдержанность в жестах и словах усиливала это впечатление.

Прямые, черные как смоль волосы были распущены и струились по плечам. Простая светлая рубашка и такие же штаны – Айк не помнил, чтобы отец надевал дома что-то темное.

Темная одежда предназначалась для города.

Отец часто напоминал Айку ожившего воина-голема из книжки, которую он читал в детстве. Только в том големе было даже больше человеческого. Он хотел обрести способность чувствовать и страдал от того, что это невозможно. А отцу, кажется, нравилось быть таким.

– Где вас носило? – отрывисто спросил он. При звуке этого низкого голоса у Айка засосало под ложечкой.

– Прости, пожалуйста! – воскликнул Эйвор. Обхватил ноги отца и поднял к нему умоляющую мордашку. – Это я упросил Айка сходить со мной на реку!

Братья договорились не рассказывать пока отцу о новых друзьях. Они понятия не имели, как он воспримет это известие.

Эдвард слегка нахмурился, но ничего не сказал. Однако в жестком лице что-то дрогнуло, взгляд темных глаз смягчился. Он потрепал Эйвора по спутанным кудрям и мягко высвободился из его рук.

Айк стоял в сторонке, смотрел в землю и только диву давался. Обнять отца и вот так, запросто, говорить с ним! Как это у Веточки получается? Удивительно, но младший не ис-

пытывал ни малейшего страха перед этим, словно бы погруженным в вечную тень человеком, их отцом.

– В следующий раз оставляйте записку. Читать и писать здесь, кажется, все умеют, – промолвил Эдвард и протянул Айку топор. Тот схватил его, словно оруженосец – меч своего рыцаря. – Коз я загнал. Закончи здесь и приходи в мастерскую. Дел еще невпроворот.

– А стекло плавить будем? – Эйвор подпрыгивал на месте от предвкушения.

Эдвард усмехнулся.

– Будем. Сейчас и начнем.

Эйвор просиял и поскакал через двор к мастерской чуть ли не на одной ножке. Собаки радостно бежали за ним, хватили зубами за подол рубашки. Эйвор с хохотом отбивался от них.

Айк тяжело вздохнул. В отличие от брата, для него работа в мастерской была сущим наказанием. Во-первых, там круглый год топилась большая печь и было невыносимо стояла страшная жаражарко. Во-вторых, в тесноте, среди большого количества хрупких вещей, Айк становился каким-то неуклюжим. Дирхель говорил – как слон в посудной лавке. Айк видел слонов на картинках, но все равно считал их нелепыми выдумками. Однако Однако в том, что он бил посуды больше всех, сомневаться не приходилось.

Поэтому отец сразу усаживал его в уголке, со ступкой, пестиком и кучей всего, что требовалось измельчить и расто-

лочь. Такое времяпровождение не назовешь приятным. К тому же пока Айк корячился со ступкой, отец беседовал с Эйвором о более высоких материях, а старшего сына полностью игнорировал.

Но сейчас Айка обрадовала возможность спокойно посидеть и все обдумать.

Он не мог забыть слова Джори. Насчет города.

Раскрыть эту тайну, конечно, очень хотелось. Но что-то неприятно цепляло, царапало душу, и он не мог понять, что именно. Доводы Джори звучали убедительно. Ходить в город Айку не запрещали. Два часа пешком – это ерунда. Выйти на рассвете, как отец всегда делает, и...

И тут Айк понял, что ему так не нравилось в этой затее.

Слежка.

Придется следить за отцом, ведь Айк даже примерно не представлял, где находится город. Была дорога из деревни, но на ней обязательно с кем-нибудь столкнешься, а значит, это неподходящий путь. Отец, насколько знал Айк, предпочитал свои тропы. И если он заметит, что сын следит за ним...

Кровь бросилась в лицо Айку. Он не представлял, что отец скажет или сделает в подобном случае, и это как-то не вселяло уверенности. Но ведь Айк умеет ходить так тихо, что и веточка не шелохнется. И если в городе много людей, как рассказывал Джори, затеряться среди них будет легче легкого. Однако же...

Закончили работу когда совсем стемнело. Эдвард отправил зевавшего Эйвора спать, но Айк задержался. Медленно, осторожно поставил ступку на место и заширкал веником по полу.

– Иди, я уберусь, – сказал отец. Он покачивал перед глазами стеклянный кувшинчик с темной, маслянистой жидкостью. Десяток разнокалиберных свечей бросали на стол и стены причудливые тени.

Айк поставил веник в угол. Взглянул на отца – жилистые руки с узловатыми пальцами, движения скупые, отточенные многолетней практикой. Правое запястье охватывала татуировка наподобие плетеного браслета.

Интересно, откуда она у отца. Украшений он никогда не носил, так зачем татуировка? Еще одна тайна...

Айк глубоко вдохнул, зажмурился на миг, как перед прыжком в воду и произнес:

– Отец... а почему деревенские нас не любят?

Эдвард взглянул на него искоса и вернулся к своему занятию.

– Люди не любят тех, кто от них отличается. Хозяйство у нас справное, не нуждаемся. Многие завидуют нам.

– Да, но мы могли бы жить в деревне, – осмелел Айк, – ведь там...

– Там нет ничего хорошего, Айк, – резко перебил Эдвард. – К чему эти вопросы?

Айка словно окатило ледяной водой, но он все-таки про-

бормотал:

– Ты сказал однажды, что, когда я вырасту, ты расскажешь... зачем ты уходишь в город. Ну и вот... я подумал...

Слова его повисли в воздухе. Эдвард добавил в кувшинчик белого порошка и снова начал покачивать перед глазами, медленно и плавно.

– Ты слишком мал, – произнес он так, словно горло его сжимала невидимая рука.

– Но, отец...

– Я же сказал, еще не время! – вдруг выкрикнул Эдвард, резко развернувшись к сыну.

Айка отбросило назад этим криком. Перепуганный до смерти, он прижался спиной к двери.

Эдвард оперся обеими руками о стол и тяжело дышал. Выпрямился, взглянул на Айку. Глаза его блестели в мерцании свечей, будто под слоем воды.

– Ты все еще здесь?

Айк не помнил, как его вынесло вон. Очнулся в своей комнате, где, свесив ногу и руку с кровати, сладко спал Эйвор.

На следующий день отец вел себя, как обычно. Но Айк не мог забыть его искажившегося лица и блеска глаз в полумраке мастерской.

Эта безумная вспышка должна была нагнать на Айку страха и заставить навсегда отказаться от мыслей о городе. Но,

как ни странно, она только усилила его любопытство.

Что-то там есть, раз отец это так ревностно оберегает! Уж если он потерял самообладание... последний раз это случилось в день смерти матери.

Айк кормил близняшек, таскал дрова и воду, стирал, готовил, а мысли его были далеко.

Если ему приходила в голову идея, он воплощал её в жизнь, не откладывая. Отец уже обмолвился, что уходит в город завтра утром. Более подходящего момента, чтобы последовать за ним, и не придумаешь.

И все-таки Айк продолжал колебаться до самого вечера и ночью, когда Эйвор и близняшки давно уснули. Один Эдвард бодрствовал – ходил по своей комнате взад-вперед, с размеренностью часового механизма. Айк, взбудораженный размышлениями, тоже не мог заснуть и все слушал, слушал мерные шаги.

Ночь была безлунная. За окном привычно шумел лес, поскрипывали деревья. На соседней кровати ровно дышал Эйвор. Айк вспомнил горящий темным огнем взгляд отца, и ему захотелось бросить эту вздорную затею и забыть о ней. Но тут перед мысленным взором появилось спокойное, светлое лицо Джори.

Он такой взрослый, много путешествовал и столько всего знает! Если Айк побывает в городе, то сможет рассказать о нем! Ну и вообще... докажет, что он не слабак и не трус, который остался дома, испугавшись отцовского гнева.

Что он достоин быть другом Джори.

Подумав так, Айк внезапно успокоился. Свернулся калачиком, пристроил локоть под голову.

«Вот Джори удивится!» – мелькнула смутная мысль, и Айк улыбнулся ей.

Минуту спустя он крепко спал.

3

«В конце концов, ничего ужасного не случится! – уговаривал себя Айк в сотый раз, натягивая холодную с ночи одежду, – посмотрю и сразу назад. Отец меня и не заметит».

Эдвард уже завтракал – Айк слышал, как тот тихо двигается по кухне. Почему-то он всегда уходил в город незадолго до рассвета, украдкой, точно вор.

Айк сидел на постели, прислушивался и ждал. Биение сердца ощущалось всей кожей, руки заledenели. Но вот мягко стукнула входная дверь, а затем дверь мастерской, где отец хранил свою котомку.

«Пора!»

Небо над лесом только-только начинало светлеть. Все предметы в комнате медленно обретали привычные очертания.

Айк глубоко вздохнул, бросил виноватый взгляд на крепко спящего Эйвора и бесшумно открыл окно. Пахнуло свежей холодной листвой и влажным деревом. Айк влез на подоконник и увидел, как закрывается калитка за спиной отца.

Комната, где жили братья, была угловой; Айк дотянулся до стыка бревен и ловко перебросил тело на них. Пальцы скользнули по мокрому от росы дереву, и он чуть не полетел на землю. Удержался в последний миг, прижался к холодной стене. Сердце гроыхало в ушах. Стараясь не пыхтеть слыш-

ком громко, спустился по стыкам бревен, как по лестнице.

Небо стремительно наливалось голубизной, полумрак отступал, и Айк рассчитывал быстро догнать отца. Но минуты утекали одна за другой, а того все не было видно. Он явно воспользовался одной из тайных троп, которые веером расходились во все стороны от дома. Не только братья прокладывали их – Эдвард тоже провел детство в этом лесу.

От холода и возбуждения Айка была крупная дрожь. Он примерно представлял, куда ушел отец, и следовал той же тропой. Впрочем, тропа – это громко сказано, посторонний человек не разглядел бы ее в этой чаще.

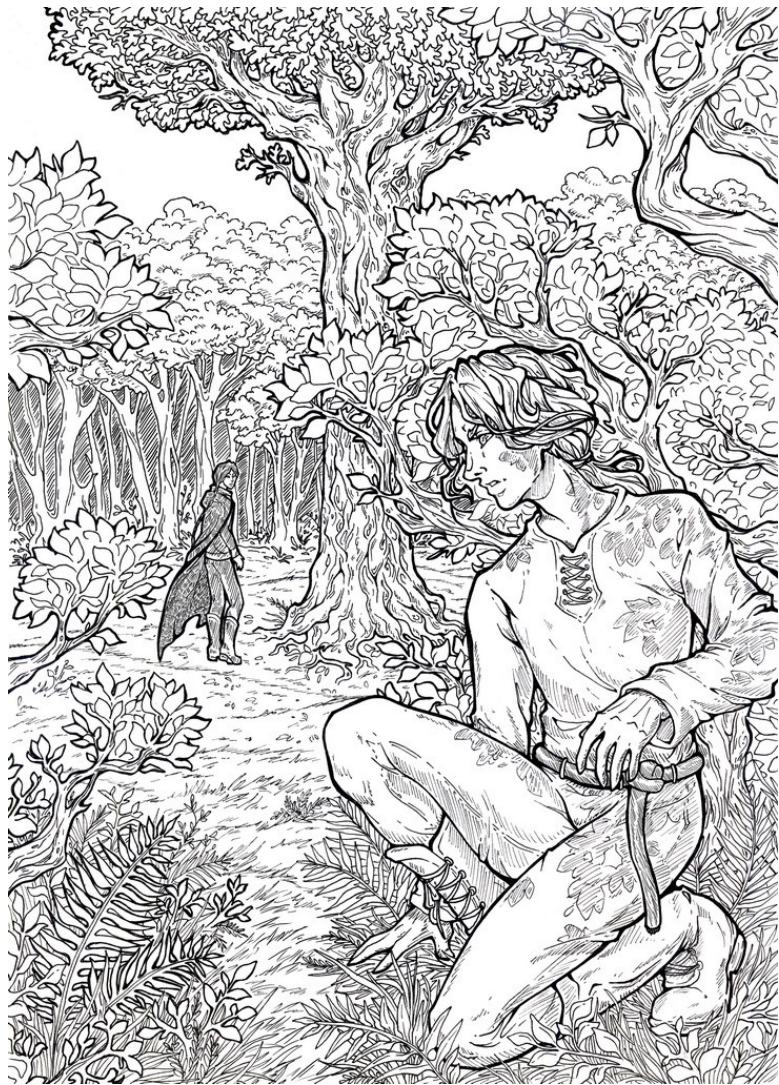
Время от времени Айк замирал на месте и прислушивался. В вышине дрожали извивы птичьих голосов; замирали, переплетались, точно струи льющейся воды. Шорох листьев и хруст подлеска указывал направление. Правда, порой приходилось стоять минуту-две, прежде чем удавалось что-то услышать.

В один из таких моментов Айку показалось, что все безнадежно, ему не нагнать отца. В душу закралось предательское облегчение. Можно спокойно вернуться к завтраку, никто ничего не узнает. Для очистки совести Айк прикрыл глаза, еще раз напряг слух. И – вот незадача! – на грани слышимости уловил потрескивание лесной подстилки под торопливыми шагами.

Так они шли около часа; когда впереди показался просвет, Айк невольно ускорил шаг. Он дрожал, одежда промокла

от росы. Легкий ветерок подсказывал, что впереди открытое пространство. Айк спрятался за деревом и взглянул сквозь ветви кустов.

Он увидел небольшую, почти идеально круглую полянку. Посередине росло дерево, при виде которого сердце Айка дернулось и пропустило удар.

Лесной исполин вонзался в небо, подобно копьё. Таких деревьев Айк еще не встречал – вдвоем с Эйвором они не смогли бы обхватить ствол у основания. Затылок заломило, когда Айк запрокинул голову, разглядывая крону. Она сильно поредела от старости, совсем как шевелюра у пожилого человека. Но каждая ветвь была так же толста, как бревна в стенах дома Райни.

Айк так засмотрелся на это чудо, что не сразу заметил отца. Тот стоял у подножия дерева и напряженно вглядывался в лес.

Айк замер, стараясь дышать потише. Мысли пульсировали в такт бешеным толчкам сердца. Что, если отец увидит его? И если это случится, что сказать в свое оправдание?

Казалось, прошла вечность, прежде чем Эдвард отвернулся и скрылся в лесной чаще. Айк перевел дух, подождал немного для верности и вышел на поляну. Надо быть осторожнее, не приближаться к отцу. Достаточно слышать его шаги.

Прежде чем уйти, Айк еще раз оглянулся, чтобы полюбоваться на невероятное дерево.

После восхода заметно потеплело, пение птиц сливалось в оглушительный хор. Лес словно раздвинулся, стал просторным и светлым. В лучах утреннего солнца он был сказочно прекрасен. Ярко-изумрудный мох пружинил под ногами, а деревья возвышались, как колонны древнего храма.

Но Айк, поглощенный одной мыслью – не попасться на глаза отцу – досадовал, что лес поредел. Густая чаща скрывала его присутствие, но теперь если Эдвард обернется, то сразу увидит сына, даже на значительном расстоянии.

Айк страшно устал – не столько от долгого пути, сколько от страха разоблачения; он уже двадцать раз пожалел, что связался в эту историю. Но не поворачивать же назад теперь, когда он так близок к цели!

Он торопился догнать отца и не позавтракал, даже не попил воды; голод и жажда мучили его все сильнее. Эйвор наверняка проснулся и с ума сходит от беспокойства. Айк оставил ему записку с просьбой покормить коз и выгнать их в загон. Но вряд ли она его утешит.

При мысли о брате Айк остро ощутил одиночество, и желание вернуться всколыхнулось в нем с новой силой. Заблудиться он не боялся, дорога по лесу всегда легко запоминалась. Но еще ни разу в жизни он не оказывался так далеко от дома. Да и лес чужой, незнакомый, и нечего ждать от него поддержки.

Тем временем отец миновал последние деревья и начал быстро удаляться. Айк подобрался к краю леса и выглянул из-за толстого ствола. Увиденное так его поразило, что несколько минут он не мог тронуться с места. Только смотрел, широко распахнув глаза и приоткрыв рот от восхищения.

Лес тянулся вправо и влево, словно его обрезали ножом.

На равнине раскинулся город, обнесенный бревенчатой крепостной стеной. Огромные деревянные ворота были распахнуты настежь; в них вереницей втягивались телеги, пеший и конный народ. Шум стоял такой, будто над городом повис рой огромных пчел.

Размерами и красотой город превосходил самые смелые ожидания Айка. Стена с дозорными башнями по краям была не менее десяти метров в высоту. Ее окружал ров и оборонительный вал. Разбойничьи набеги давно превратились в страшные сказки для детей, необходимость в укреплениях отпала. И вал, и когда-то глубокий ров осыпались и заросли травой. Но стены, башни и ворота содержались в относительном порядке.

На поле ржавело множество мобов. Столько в одном месте Айк видел впервые. Здесь были и маленькие, и огромные, высотой с небольшое дерево. Вокруг них мирно паслись черно-белые коровы и разномастные лошади. Солнце еще не иссушило траву, и она хранила тот свежий, зеленовато-серебристый цвет, какой можно увидеть лишь весной. Розовые цветки душистого горошка, лютики и нежно-голубая вероника заткали этот зеленый ковер ярким узором.

А еще по всему полю виднелись развалины домов. В некоторых стенах сохранились оконные проемы, в них торчали помутневшие осколки стекла, точно оскаленные зубы мертвых животных. Замшелые фундаменты заросли кустами и молодыми деревьями. Лес медленно, но верно захватывал

древние строения, и было ясно, что в конце концов от них ничего не останется.

Эдвард быстро шел к городу, огибая развалины и останки мобов; высокая трава хлестала его по сапогам. Еще пара минут – и он затеряется в потоке телег и обозов.

Айк запаниковал. Город так велик! Если он не нагонит отца сейчас, то уже ни за что его не найдет!

Забыв об осторожности, он выскочил из леса и помчался через поле. И тут почувствовал под ногами что-то необычное. Между пучками травы виднелась ровная серая поверхность. Она сильно потрескалась, но оставалась прочной и бежать по ней было очень приятно.

Древняя дорога! Вероятно, в лесу их затянуло дерном, а здесь нет.

Айк не смог удержаться от искушения потрогать удивительное покрытие. Оно было шершавым и теплым от солнца. И тут в траве справа мелькнуло что-то длинное, темное. Айк не успел сообразить, что это, как тело само отпрыгнуло назад.

Черная полоса не двигалась. Мертвая змея?

Айк присмотрелся и шумно выдохнул. Обычный корд – но почему он лежит здесь, посреди поля?

Айк называл это кордом, а Дирхель, который приносил его из Хранилищ, – «вечной веревкой». Он был сплетен из металлических нитей и покрыт неизвестным веществом, плотным и гладким на ощупь.

Разной толщины и гибкости, корды не рвались и не гнили от непогоды. Из самых тоненьких Эйвор плел свои «индейские» украшения и корзинки для всяких мелочей. Толстые шли на починку хозяйственных построек; обмотанные ими ручки инструментов не скользили в руке и служили дольше.

Одним словом, незаменимая в хозяйстве вещь, и Айк машинально нагнулся, чтобы поднять его и смотать. И тут же опомнился.

Что он делает? Надо догнать отца!

Он помчался вперед и через минуту достиг дороги. Пристроился за какой-то телегой, не замечая недоуменных взглядов окружающих.

Город надвинулся на него, но Айк успел заметить черный с желтым плащ отца, мелькнувший в проеме ворот. Теперь главное – следовать за ним, ни на что не отвлекаясь.

Легко сказать!

Айк крутил головой и так часто открывал в изумлении рот, что шею и челюсти заломило от напряжения.

Да, в городе было на что посмотреть! Дома в два-три этажа, деревянные или каменные, нависали над улицами, маленькие и узкие окна напоминали бойницы. Повсюду какие-то лавки, разносчики с лотками, разноцветные вывески.

Айк привык к ровному, мягкому шуму леса, и гроыхание копыт и тележных колес по булыжнику казалось оглушительным. Людей было пугающе много. Сколько же их здесь

живет – сотни, тысячи? Они толкали друг друга, ругались и болтали так громко, что Айк поражался, как они не охрипнут.

Большинство горожан носило знакомую Айку одежду. Мужчины – простые штаны и рубашки со шнуровкой спереди, женщины – юбки и цветастые блузы или полотняные платья. Но попадались и более состоятельные люди. Они щеголяли кожаными штанами и куртками, коричневыми или черными, с украшением из разноцветных шнуров. Модницы в красных жакетах на меху и юбках глубоких, насыщенных цветов пробирались по краю улицы, чтобы не запачкать наряды.

Яркие одежды горожан составляли странный контраст с мрачно-серым или коричневым цветом домов и мостовой.

Но главное, что поразило Айку еще у ворот, – это страшная вонь. Над городом висел густой, тяжелый смрад гниющей соломы, конского навоза, застарелого пота, дыма и нечистот. Кое-где этот запах смешивался с ароматами еды, которую готовили уличные торговцы. Айку мутило, он даже хотел повернуть назад, но отвлекся на что-то, и запах перестал его донимать.

Людской поток втащил Айку в ворота и поволок по улице, как река уносит сухой листок. Он спешил изо всех сил – в такой толчее отец его точно не заметит.

Кое-что сразу бросилось в глаза Айку. При виде Эдварда люди замолкали и поспешно уступали ему дорогу. Один без-

ногий нищий замешкался, но, бешено работая руками, оттащил немощное тело прочь с пути отца.

Казалось, горожане боялись даже мимоходом коснуться его. Словно Эдвард мог их испачкать или заразить опасной болезнью. В самой гуще толпы вокруг него мгновенно возникало пустое пространство, как будто его накрывали стеклянным колпаком. На Айка же, как и предсказывал Джори, никто не обращал внимания.

Если Эдварда и задевало подобное отношение, он не подавал виду. Шел спокойно, высоко держал голову и ни с кем не вступал в разговоры.

Айк старался не отставать, но глаза у него разбегались. Взгляд цеплялся то за яркую вывеску, то за шарманщика в толпе детворы, то за продавца безделушек.

Он попал в город в базарный день. Окрестные крестьяне съехались сюда, чтобы сбыть товар, воришки – стянуть, что плохо лежит, а простой люд – повеселиться вволю. Но Айк вообразил, что здесь так всегда, и контраст с мирной тишиной леса неприятно поразил его. Он провел в городе около часа, а голова уже гудела, мысли путались, в горле пересохло. Он бездумно переставлял ноги и всерьез боялся упасть – затопчут и не заметят.

И вдруг застыл на месте, забыв обо всех неудобствах. Вонь, толкотня, шум – даже отец – отодвинулись на второй план.

На витрине одной из лавок лежали мечи. Опасно-холод-

ные, невероятно прекрасные, они притягивали взгляд своим блеском.

Айк приблизился к витрине, не отрывая от нее глаз, словно все это великолепие могло растаять, стоило ему отвернуться. Он видел настоящие мечи впервые в жизни, и они оказались даже лучше, чем ему представлялось. Он пожирал их восхищенным взглядом, пока не начал отличать один от другого.

Большинство клинков были простыми, грубойковки, но нашлись и два-три меча подороже. Затеяливая вязь покрывала клинки и гарды; на черную ткань подклада падали смутные отблески. Эти мечи выделялись среди прочих, как огромные бабочки-махаоны среди луговых мотыльков.

Айк не думал о том, какие мечи хуже, какие лучше. Они все были одинаково прекрасны, он мог смотреть на них бесконечно. Мечта явилась ему во плоти – мечта о великолепном оружии, разящем, как молния.

Разумеется, к тому моменту, как он очнулся, отца и след простыл. Айк рванулся вперед, высматривая в толпе знакомый плащ. Бросился в одну сторону, в другую, заглянул в несколько переулков. Безрезультатно.

Он потащился дальше наугад, увлекаемый оживленно гомонившими людьми. Внезапно дома расступились, и толпа выплеснулась на широкую площадь. Посередине находился небольшой круглый фонтан; тонкие серебристые струйки лениво падали в чашу из серого, треснувшего камня.

При виде воды Айк ощутил прилив сил. Он протолкался к фонтану и подставил ладонь под живительную струю. Пил долго, жадно, пока не почувствовал, что полон до краев.

Сразу нахлынула усталость, тело отяжелело. Солнце набирало силу и немилосердно жгло его склоненную голову. Жара даже в этот утренний час казалась нестерпимой – страшно представить, каково здесь в полдень!

Айк сидел на краю фонтана и смотрел перед собой застывшим взглядом. Голова переполнилась увиденным, как желудок – водой. Он понимал, что вряд ли разыщет отца и почти не жалел об этом. За один день он увидел и испытал больше, чем за всю жизнь.

Он не знал, сколько просидел так, но толпа вдруг заволоновалась, как лес под порывами ветра.

– Везут, везут! – кричали отовсюду. Люди вытягивали шеи, пытаясь разглядеть что-то за спинами соседей. Все головы повернулись в одну сторону. Айк взглянул туда же, но ничего не увидел, кроме леса разнокалиберных ног.

– Что, парень, несладко? – раздался над головой незнакомый голос. – Давай-ка!

И прежде чем Айк сообразил, что сказать, крепкие руки подхватили его и поставили на край фонтана. Тут тоже приютилась куча народу, но теперь Айк мог смотреть поверх голов.

Странная процессия двигалась вокруг площади. Черная лошадь тащила небольшую телегу – обычную телегу, в каких

деревенские возили сено с полей. Колеса скрипели и громы-хали по булыжнику.

В телеге стоял на коленях человек в длинной холщовой рубахе белого цвета и таких же штанах. Голова поникла, спутанные светлые волосы закрывали лицо. На груди висела табличка с надписью, но Айк стоял слишком далеко и не мог ее прочесть. Зато сразу узнал человека, который вел лошадь под уздцы. Сердце его словно ухнуло вниз с огромной высоты.

Это был отец.

Плащ его куда-то исчез, а грудь крест-накрест охватывала кожаная перевязь – Айк никогда не видел на отце ничего подобного. Волосы убраны в косу, смуглое лицо как всегда сурово и непроницаемо. Эдвард словно не замечал прикованных к нему взглядов.

Айк хотел спрыгнуть на землю и затеряться в толпе, но люди стояли слишком плотно – и мышь не прощмыгнет. Он понимал, что невозможно разглядеть одно лицо в этом беснующемся людском море. Но ему, как часто бывает в таких случаях, казалось, что он стоит на самом виду, что отец вот-вот заметит его.

А люди и впрямь словно взбесились. Отовсюду неслись выкрики, свист, улюлюканье. Те, кто стоял ближе к телеге, бросали в человека объедки, мусор и камни. Он не шевелился, даже головы не поднял.

Айку стало очень жаль этого беднягу. Каково это, когда в

тебя швыряют камнями, а ты даже не можешь убежать!

Телега сделала полный круг и остановилась перед высокой и узкой аркой из серого камня, которую Айк до этого не замечал. Её покрывала резьба, какие-то рисунки и руны. Люди расступились, и вокруг арки образовалось большое свободное пространство.

Эдвард помог сидевшему в телеге человеку спуститься на землю. Тот неуклюже повиновался – руки у него были связаны за спиной. Эдвард вывел пленника на середину освобожденного круга и замер, скрестив руки на груди. Лицо его ничего не выражало, лишь глаза блестели черно и холодно. Айк поежился – он знал этот взгляд.

Из-за арки вышел невысокий человек с пачкой бумаг в руках. Весь в черном, как и отец, он выглядел гораздо богаче – серебряная вышивка так и сверкала под солнцем.

Толпа слегка притихла. Человек остановился в середине круга и громко, нараспев произнес:

– Именем Верховного магистрата города Вьена находящийся здесь Дарин Авенди, плотник, тридцати двух лет от роду, обвиняется в преднамеренном убийстве жены своей, Амелины Авенди, каковая была найдена мертвой под полом в мастерской преступника...

Связанный стоял неподвижно, не поднимая головы, так что волосы почти закрывали табличку. Но теперь Айк, напрягая зрение, все же смог прочитать надпись.

«Убийца» – гласила она.

Внезапно Айк осознал, что нигде не видит отца. Внутри похолодело. Несомненно, он заметил сына и сейчас направляется к нему сквозь толпу, неотвратимый, как смерть. Айк дернулся, чтобы бежать, но куда там, его стискивали со всех сторон. Кровь бросилась в лицо, ноги ослабели.

Но он тут же понял свою ошибку. Эдвард просто зашел за арку и остановился чуть сбоку от нее. В его опущенной руке что-то блеснуло.

– ...да помилует Всемогуший Отец твою душу! – закончил читать человек в черном, и Айк сообразил, что упустил главное.

Что они собираются делать с этим бедолагой? Что все это означает?

Толпа вздохнула, качнулась вперед, как вода в наклоненной чаше, и вновь замерла. Человек в черном неторопливо свернул бумаги и отошел в сторону. Теперь Айк хорошо видел арку и неподвижного отца. Воцарилась тишина, настолько полная, что было слышно, как весело чирикают птицы на карнизах домов и плещет вода в фонтане.

Пленник медленно поднял голову и окинул взглядом площадь.

Айк вздрогнул. Он плохо различал возраст взрослых, но человек выглядел молодым. Во всяком случае, моложе отца. Тот казался Айку совсем старым – шутка ли, тридцать лет!

– Всемогуший знает, что я невиновен! – выкрикнул пленник. Голос тоже был молодой, высокий и словно надломлен-

ный. – Я не убивал ее! Я ее любил! Это вы убийцы! Все вы, кто сейчас стоит и смотрит, как убивают невинного, будьте вы прокляты! Пусть моя кровь падет на вас!

Айк ничего не понял, но его охватил ужас. Хотелось бежать куда глаза глядят, только бы не видеть этого страшного человека, не слышать голоса, полного ярости и муки.

Но человек больше ничего не прибавил. Прежде чем кто-то в толпе двинулся или произнес хоть слово, он резко повернулся и решительным шагом прошел сквозь арку. Туда, где стоял отец Айка.

Остальное заняло не больше нескольких секунд.

Эдвард резко замахнулся, и в руках его сверкнул двуручный меч с широким лезвием. Клинок коротко свистнул, раздался хруст, словно нож с размаху воткнули в кочан капусты.

Голова пленника с поразительной легкостью отделилась от туловища и полетела в сторону. В гробовой тишине было слышно, как она с тяжелым костяным стуком ударилась о камни мостовой и прокатилась несколько шагов.

Обезглавленное тело еще стояло, из шеи во все стороны тонкими фонтанами била освобожденная кровь. Потом колени подогнулись, и оно рухнуло наземь, точно дерево под топором дровосека. Потоки крови хлынули на мостовую, и Эдвард, держа окровавленный меч на отлете, отступил назад.

Толпа отшатнулась. Истошно заголосили женщины, завизжали и заплакали дети. Поднялся невообразимый шум. Человеческое месиво струнулось с места, заволновалось. Все

жаждали поближе рассмотреть место действия и в то же время опасались коснуться экзекутора или его жертвы.

Всего этого Айк уже не видел. Темнота надвинулась на него со всех сторон, и сознание угасло так быстро, будто кто-то задул свечу.

Прохладная вода. Яркие сполохи света на каменном дне.

Айк не мог вдохнуть, и его охватила паника, примитивная и темная – основа жизни. Он дернулся из последних сил, и был вынут из воды за шкуру, как щенок.

– Очухался вроде, – пробасил грубый голос.

Айк кое-как поднялся на дрожащие ноги и, растолкав небольшую толпу любопытных, бросился прочь.

Впоследствии он с трудом мог вспомнить, как выбрался из города. Обратный путь слился в непрерывный кошмар – невыносимая духота, бьющий по ушам шум и мучительное желание лечь и уснуть.

По счастливой случайности Айк сразу же попал на ту улицу, по которой пришел на площадь. Самая широкая в городе, она вела прямо к воротам. Начни он плутать – и одному Всемогущему известно, что бы тогда случилось.

Он шел, как во сне. Одна мысль вела его – домой, скорее домой. К Эйвору, к сестрам, пусть они и надоедали ему порой. Сейчас, из глубины этого ужасного места, дом казался чем-то светлым и прекрасным. Спасительной гаванью.

Вернуться и обо всем забыть. Дни пойдут своим чередом,

как прежде. Он будет копать огород, доить коз, читать книги, болтать с Джори. «Вернуться, помоги мне вернуться!» – шептал Айк пересохшими губами. Несмотря на жару, его била дрожь; сердце прыгало, как обезумевшая белка.

Он шел и каждую секунду думал, что вот-вот упадет, но каким-то чудом этого не случилось. Не поверил своим глазам, когда в очередной раз поднял голову и увидел высокий проем городских ворот. Миновал их и прислонился к нагретой солнцем стене.

Свежий ветер полей охладил его пылающее лицо и избавил от отвратительного запаха, въевшегося в тело.

Айк жадно глотал воздух. Сознание то возвращалось, то снова грозило исчезнуть, как солнце в облачный, ветреный день. Но лес был совсем рядом, и это придавало мужества.

Он оттолкнулся от стены и в последнем отчаянном усилии пересек поле. Когда над головой зашумели кроны деревьев, Айк с огромным облегчением упал на мох и растворился в беспомощности.

Возвращался к реальности медленно, трудно. Бессознательность сменилась мучительными видениями; очнувшись, Айк не мог и не хотел их вспоминать.

Холод привел его в чувство. Шел дождь, одежда и волосы промокли насквозь. Вдали перекатывался гром, словно старый пес ворочался в конуре. Небо затянуло низкими облаками, под деревьями сгустилась темнота. Похоже, он провалялся в беспомощности несколько часов.

Айк кое-как приподнялся и сел. Он был совершенно разбит, и физически, и морально. Думалось медленно, вяло и все о какой-то ерунде: постели пора сменить, грядки с салатом давно не пропалывали...

Собраться с мыслями никак не удавалось – он словно бабахнулся в трясине. Встал через силу, тело было громоздким, непослушным. Словно ворочаешь тяжеленный кусок дерева.

Постоял, сделал пару шагов и уцепился за дерево. Надо двигаться, идти к дому.

Айк вдруг осознал – прошел целый день. Страшно подумать, что там с Эйвором! Может, бегает и ищет его, хотя старший строго-настрого запрещал это.

– Сиди на месте и жди, когда тебя найдут. Но он же никогда не слушает, – бормотал он в полузабытьи, – ума не приложу, что делать с этим мальчишкой. По реке катается, попросишь что-то сделать – забудет...

Он даже не замечал, что говорит вслух. Страшно хотелось пить. Он подставлял ссохшийся рот под капли, но это лишь разжигало жажду.

Ничего, дома все есть – пища, ягодная вода, постель. Можно упасть и заснуть. Там все будет хорошо, все будет по-прежнему. Только бы дойти, только бы хватило сил. Дойду, думал Айк, доползу, если понадобится. Зубами буду за землю цепляться, но доползу...

Гроза тем временем разошлась всерьёз, дождь превратился в настоящий ливень. Ветер рвал кроны деревьев и при-

горшнями швырял воду в лицо Айку. Вспыхивали молнии, и в их мгновенном неживом свете лес казался чужим и враждебным.

Гром ударил прямо над головой, у Айка аж в ушах зазвенело. Он замер, оглушенный, испуганный. И вдруг понял, что стоит на краю той самой полянки, которую они с отцом пересекали утром.

Неужели и правда сегодня утром? По его ощущениям прошло много лет.

Огромное дерево переменялось. Что-то зловещее чудилось в нем. Казалось, оно нависает над Айком и хочет схватить его. Ствол поскрипывал под порывами ветра, исполинская крона раскачивалась среди грозowych туч.

Следовало идти дальше, но Айт не мог двинуться с места. Ноги словно приковала к земле невидимая сила. Он смотрел вверх, смаргивая с ресниц капли дождя; силился разглядеть вершину дерева так упорно, словно это было делом всей жизни.

И будто в ответ на его ожидания, ослепительно сверкнула молния. Раздался чудовищный треск, будто разорвалась сама ткань мироздания. На мгновение стало светло, как днем, Айт невольно закрыл лицо руками, и волна жара ударила в ладони.

Дерево пылало.

Молния не расколола гигантский ствол, но крона вспыхнула, как факел, и все вокруг озарилось багрово-алым све-

том.

Айк обхватил себя руками и замер – зверек под взглядом змеи. Ветер хлестал по лицу мокрой занавесью дождя – он не чувствовал, не замечал. Внутри словно прорвало плотину, и воспоминания хлынули потоком.

Человек с табличкой «убийца» на груди.

Стук отрубленной головы о мостовую.

Фонтаном бьющая кровь.

Отец с мечом в руке.

Все это разом обрушилось на Айку – казалось, сердце вот-вот разорвется.

Он закричал. Кричал, как парализованное животное, которое видит смерть и не может убежать. Согнулся, стиснул голову руками и оглушал себя собственным криком.

А потом сорвался с места и помчался, не разбирая дороги. Прочь от ужасного дерева, от воспоминаний, от этого страшного дня.

Лишь везение и привычка бегать по лесу спасли Айку от неминуемого увечья, а то и смерти. Он долго бежал в полной темноте. Налетал на деревья, скатывался в ямы, падал и снова поднимался, чтобы продолжить безумный бег в никуда.

Внезапно что-то стиснуло его руку у запястья. Айк молча вырывался, как вдруг услышал голос. Точнее, осознал, что с ним говорят.

– Айк! Айк! Очнись, это же я!

Он поднял голову... и уперся взглядом в темноту. Голос казался смутно знакомым. И все же он продолжал сопротивляться, словно птица, изо всех сил бьющая крыльями.

– Айк, это я, Джори! Тише, успокойся!

Крепкие руки обвилились вокруг его вздрагивающего тела, прижали голову к чьему-то плечу. Мелодичный голос шептал:

– Все хорошо... ты в безопасности. Я никому не дам обидеть тебя. Тише... вот так.

Айк по-прежнему ничего не видел, но понял, кто перед ним, и слегка расслабился.

– Вот так... хорошо, – повторил Джори, и они присели на влажный мох.

Гроза с ворчанием откатилась на запад. С веток и листьев капало, деревья беспокойно шумели, словно обсуждали минувшую бурю.

– Д... Джори... – собственный голос показался Айку чужим.

– Да, это я. Слава Всемогущему! Ты меня до смерти напугал!

– Откуда ты... здесь?

– Эйвор прибежал к нам вечером, – Джори крепко обнимал Айку за плечи, за что тот был ему безмерно благодарен, – ревел, насилу успокоили. Сказал, ты с утра исчез и до сих пор не вернулся, а ваш отец ушел в город, и он не знает, что делать. Он как сказал – ну, про вашего отца, – я сразу понял,

куда ты отправился. Направление знал, мы пошли цепью, надеясь тебя отыскать...

– Мы?

– Ну да. Эйвор и Крис тут, неподалеку. Мы условились – кто тебя встретит, позовет остальных. Позвать их?

Айк судорожно вцепился в руку Джори и замотал головой.

– Так и думал. Давай посидим, они не успеют далеко уйти.

Айк кивнул – говорить сил не было.

Ночной лес шумел и поскрипывал. Капли стучали без остановки – звонко по листьям, увесисто и глухо – по толстой лесной подстилке. Пахло землей, мокрой травой и перегноем.

От Джори исходило незримое тепло сочувствия, и Айку стало полегче. Надо было что-то рассказать, объяснить, но он молчал. Древний инстинкт подсказывал, как опасно облекать пережитое в слова. Начни он говорить, оно встанет перед ним во весь рост – и сможет ли он тогда с ним справиться?

Айк глубоко дышал, дрожь утихала. И тут же навалилась страшная слабость.

– Знаешь, я ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу, – пристыженно прошептал он.

– Ничего, – Джори помог ему встать, – дойдем до дома, а потом я вернусь за Эйвором и Крис. Хорошо?

– Отлично, – слабым голосом произнес Айк. Едва он понял, что в ближайшее время не придется ничего объяснять,

отпустило окончательно. Даже колени задрожали от облегчения.

– Ну пошли. Поздно уже.

Идти бок о бок по лесу неудобно, но Джори продолжал обнимать Айку за плечи – без этой поддержки он бы упал.

– Мы правильно идем? – уточнил Джори. – Не заблудимся? Ты же знаешь, какой из меня ходок по ночному лесу.

– Нет, все верно. – К Айку уже вернулся дар речи. – Джори...

– М-м-м?

– Прости, у вас с Крис опять будут неприятности... из-за меня...

Джори негромко рассмеялся.

– Сегодня мы оказались догадливее и предупредили маму, что вернемся поздно.

– И что она?

– Разрешила. Я сказал, мы пойдем гулять с ребятами. Это чистая правда.

Айк слабо усмехнулся.

– Надеюсь, ты не сказал, с кем именно.

– Счел это излишним. Раз к вам плохо относятся в деревне, не стоит рассказывать о нашем знакомстве. Я бы хотел продолжить его, а нарушать запрет родителей неприятно. Так что лучше им ничего не знать, верно? – В голосе Джори послышалась улыбка.

Горло Айку неожиданно стиснуло рыданием. Он кивнул,

надеясь, что Джори почувствует движение.

– Но есть одна трудность, – продолжал он, – Крис может выболтать все маме или подружке. Она иногда увлекается. Сначала говорит, а потом думает.

Впереди между деревьями мелькнул огонек.

– А вот и ваш дом, Айки, – с удовлетворением произнес Джори, – я велел Эйвору поставить лампу в окне чердака. Держись, почти пришли!

Айк с изумлением понял, что улыбается – после всего, что случилось..

– Ты больше не называешь меня Айкен?

– Ой! – Голос Джори прозвучал виновато. – Прости! Как-то само получилось.

– Да не, так отлично. Я, наоборот, удивлялся, чего ты «Айкен» да «Айкен».

– Мне показалось, тебе так больше нравится. При нашей первой встрече.

– А-а-а.

Они подошли к забору, и Айк с облегчением к нему прилонился. Райст и Кари зарычали, учуяв чужого; в полной темноте это звучало жутковато.

– Не тревожься, я сейчас догоню младших, – сказал Джори, – тут недалеко. Ты почти дошел, моя помощь не особенно требовалась.

Айк покачал головой. Ветер с шелестом проносился по кронам деревьев, роняя на голову крупные капли. Небо очи-

стилось, в необъятной вышине холодно светили звезды.

– Нет, – медленно произнес Айк, – требовалась. Я рад, что мы встретились, Джори. Сейчас... и вообще.

– Я тоже, Айк. До завтра?

– До завтра, – вздохнул Айк и повернулся лицом к родному дому. Все эти страшные часы он стремился к нему, мечтал о нем, как о единственном островке света в окружающем мраке.

Но сейчас смотрел на знакомый силуэт крыши, на мерцающий в окне огонек – и не чувствовал ни облегчения, ни радости. Только боль. Усталость.

Опустошение.

4

Будь солнце живым существом, оно бы сильно удивилось, когда на следующий день поднялось над лесом и заглянуло во двор семьи Райни.

Рядом с колодцем стояла здоровенная лохань. Айк выволок ее из помывочной и с трудом протащил через дверь, так она была велика. Наполнил водой, разбавил кипятком из котла на плите. Прошел по дому, снял с кроватей и вынес во двор все постельное белье, загрузил в лохань. Добавил в воду состав для стирки и принялся за работу.

Вчерашняя гроза превратилась в воспоминание. День был безоблачный, солнце припекало все сильнее, но Айк и не думал прерваться. Стоя на коленях у лохани, он ожесточенно тер каждую тряпку о ребристую доску, прополаскивал в отдельном ведре, выжимал и откладывал в сторону.

Над мокрым настилом поднимался пар. Эйвор, осунувшийся, с темными кругами под глазами, молча стирал одежду, свою и сестер. Близняшки вначале брызгались, с визгами носились вокруг лохани, но потом словно почувствовали висевшее в воздухе напряжение и убежали за дом.

Братья не разговаривали. Эйвор впервые в жизни устроил старшему молчаливый бойкот, но Айк этого даже не заметил. Покончив с «утренней» работой, он понял – надо продолжать что-то делать. Иначе мысли сведут его с ума.

Айк заснул в полной уверенности, что все закончилось. Он проснется завтра, и случившееся забудется, как ночной кошмар.

Ничего похожего. Наоборот, когда он отдохнул и выспался, воспоминания начали возвращаться со всеми подробностями. Они так и лезли в голову, и Айк не знал, как от них избавиться.

В нем появилось нечто, чего он совсем не хотел ни чувствовать, ни вообще знать. Но куда хуже было осознавать, что теперь все это – часть него. Он все еще надеялся от этого избавиться, затолкать в самый дальний угол сознания и забыть навсегда.

Покончив со стиркой, Айк приготовил обед и взялся колоть дрова, хотя их было еще достаточно.

Мысли не уходили.

Айка шатало от усталости, но он упрямо принялся за прополку, углубил межи у грядок и очистил их от сорняков. Голова раскалывалась от палящего солнца, спина не разгибалась, руки отказывали.

Но проклятым мыслям все было нипочем. Стоило на минутку остановиться, чтобы перевести дух, как они тут же заводили в голове прежний хоровод.

Теперь-то Айк понял причины странного поведения отца и людей в деревне. Приятным же образом открылось ему это знание! Неудивительно, что отец не хотел ничего рассказывать. И неудивительно, что они живут здесь, в глуши, словно

преступники.

Он не мог ни с кем поделиться ужасным открытием, и от этого оно тяготило еще сильнее. Айку казалось, что толстая прозрачная стена отделила его от всего мира. По ту сторону стены жизнь не изменилась, но ему вход в нее заказан. Стену не обойдешь, не перепрыгнешь, не сломаешь. Оставалось лишь смотреть на ту, прежнюю жизнь, частью которой он был еще вчера утром.

Рассказать бы обо всем Эйвору!

Но Веточка еще слишком мал. Каково ему будет услышать, что обожаемый им отец способен на... такое? Айк даже испытывал облегчение от того, что брат с ним не разговаривает. Врать не хотелось, а открыть правду он не мог.

Библиотека семьи Райни насчитывала около пяти сотен книг и считалась не просто большой, а огромной во времена, когда далеко не все умели читать и писать. Айк любил книги о приключениях и путешествиях, но в них не встречалось ничего похожего на то, что он видел. Убийства и схватки воспринимались как-то опосредованно, без связи с реальной жизнью. В книгах все казалось игрой – даже смерть там выглядела ненастоящей.

Но в принципе Айк знал, что люди могут убивать друг друга.

В принципе.

Перед внутренним взором ярко вспыхнула картинка – обезглавленное тело еще стоит, из шеи бьют струйки крови,

похожие на толстые красные шнуры. . .

Айк как раз подтащил охапку сорняков к мусорной куче. Это оказалось очень кстати – его вывернуло прямо на нее. Он упал на колени, тело скрутила жестокая судорога. Вечернее солнце тошнотворно крутилось перед глазами. С минуту он был где-то далеко, на грани сознания и беспамятства. Рвота прекратилась, но жуткое воспоминание вернулось, и желудок опять свернулся узлом. Айк со стоном зажал рот рукой.

«Прекрати, слышишь, прекрати! – повторял он про себя, как заклинание. – Я не хочу об этом думать, отстань от меня!»

Наконец тело уgomонилось и перестало его мучить. Остались лишь слабость и боль в груди, такая сильная, что слезы выступили на глазах. Айк заполз за мусорную кучу и дал им волю.

Почему, ну почему все так получилось? Зачем он пошел за отцом? О, если бы все вернуть, он бы и шагу не сделал из леса! Кому нужна тайна, если за нее приходится платить такой дорогой ценой!

Он вновь и вновь вспоминал суровое лицо отца, его темные глаза, сверкающий меч. Боль была такая, словно этот меч, оборвав жизнь того несчастного парня, одновременно ударил и в сердце Айка.

– Как ты мог? – шептал он. – Как ты мог?

Постепенно слезы иссякли.

Следующие два дня Айк продолжал двигаться по инер-

ции, как игрушка с хитрым заводом. Работал, готовил, ел и ложился спать. Близняшки прибежали со своими горестями, но Айк не мог им ничем помочь. Он был так далеко от них – приходилось сильно напрягаться, чтобы хотя бы слышать их слова.

На второй день Эйвор сломался и с рыданиями повис у него на шее. Рассказал, как он искал старшего в лесу, как помчался к Джори и Крис за помощью. Айк молча выслушал и остался равнодушен к его слезам.

Все чувства притупились, и ему полегчало. Жизнь потеряла часть своих красок, но Айк сейчас в них не нуждался. Он хотел, чтобы боль перестала рвать грудь, точно дикий зверь – прутья клетки.

В какой-то миг Айк понял, что стал похож на отца – и испытал укол короткого, острого ужаса сопричастности. Но и это чувство быстро угасло.

И оказалось, так тоже можно жить! Он не знал, надолго ли это, но решил держаться, сколько сможет. Просто не видел другого выхода.

Третий день Айк начал, как обычно. Встал, кое-как пригладил волосы. Поискал бандану, вспомнил, что потерял её, когда бежал по лесу, и просто завязал волосы в хвост. Раньше он часто заплетал на ночь косу, но теперь одна мысль об этом вызывала дрожь. Да и возня с расчесыванием не имела смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.